

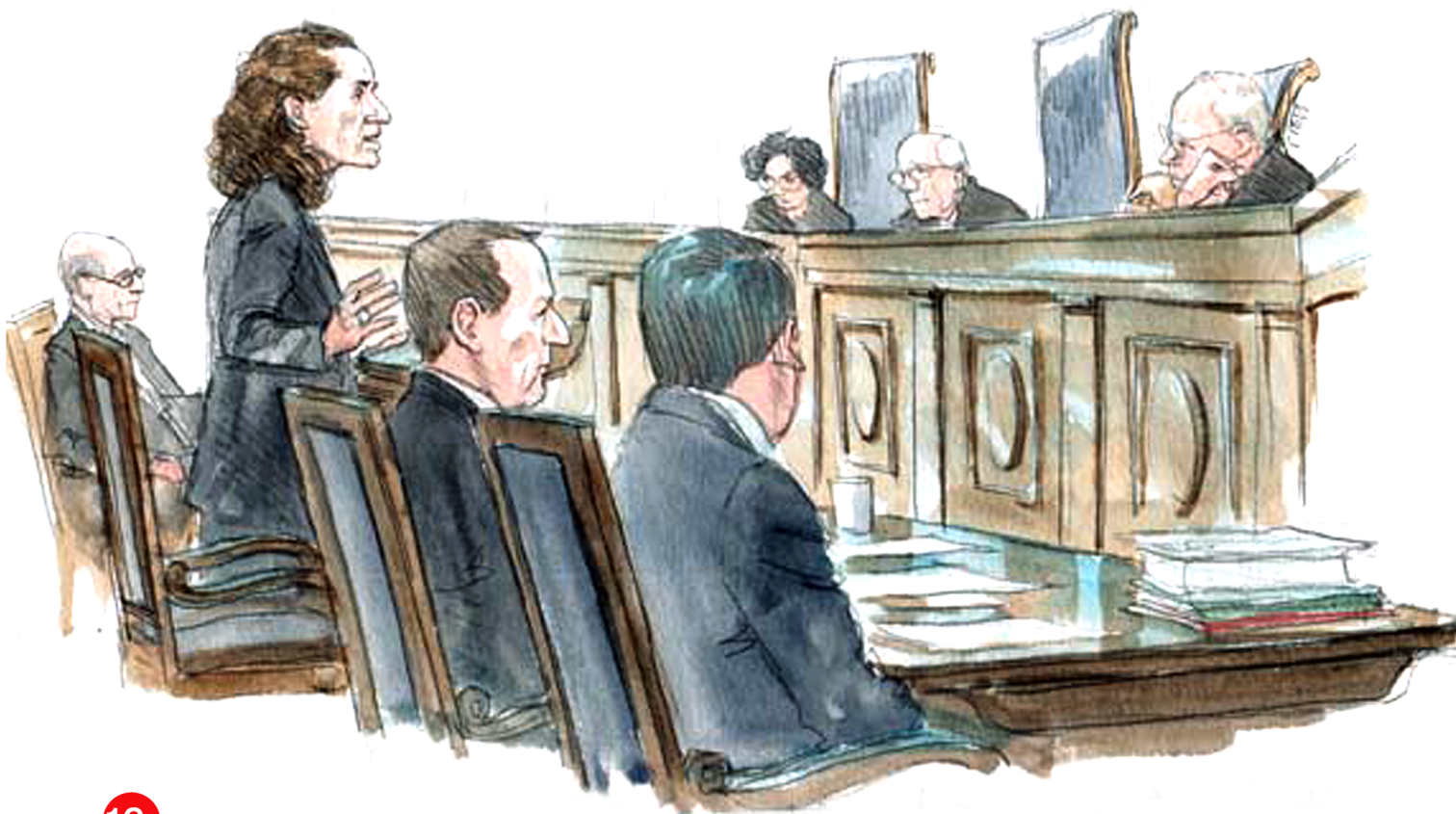
МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
Вестник

международный научный журнал

8
2020

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 8 (22) / 2020

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребзов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Панфилова Е.А.

История возникновения и функционирования прокурорского надзора за предварительным следствием 1

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Крючкова В.Д., Серова А.Р., Садовская Т.Д.

Повышение ставки НДФЛ до 15%: популистская мера или реальный шаг в поддержку экономики? 3

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Волобуева А.Е.

Содержание понятия «ликвидация юридического лица». Правовой аспект ликвидации коммерческих корпоративных организаций 5

Флоря О.В., Дамаскин В.В.

Инвестиционный договор. Анализ материалов судебной практики. 8

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Мамедалиева А.В.

Институт публичного порядка в нотариальном праве 10

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Новиков Е.Ф., Оглоблин Н.Г.

История развития отечественного законодательства о коммерческом подкупе 13

Новиков Е.Ф., Оглоблин Н.Г.

Состояние, структура и динамика коммерческого подкупа как одного из видов коррупционных преступлений 16

Рамалданов Х.Х., Полищук А.И., Девятова А.А.

Таможенные преступления: понятие, особенности и классификация 19

КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Боронин С.А.

Первоначальный этап расследования безвестного исчезновения граждан. 23

Гущин Е.В.

Проблемы применения отдельных мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства 24

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Холова Ольга Александровна, студент

Нарушение конституционных прав осужденных на тайну переписки 28

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

История возникновения и функционирования прокурорского надзора за предварительным следствием

Панфилова Елизавета Анатольевна, аспирант

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье автор рассматривает возникновение и развитие уголовно-процессуальных полномочий прокурора по отношению к следственным органам.

Ключевые слова: прокурор, следователь, уголовное дело, надзор.

Для уяснения роли и места органов прокуратуры в правозащитной деятельности государства необходимо рассмотреть данный институт в процессе его исторического развития. Как следует из истории возникновения и функционирования органов прокуратуры, в периоды коренных преобразований в государстве появилась потребность в таком органе как прокуратура. История развития любого органа помогает уяснить его место, предназначение, функции, и в настоящее время помогает определить меры по повышению его эффективности.

Большинство исследователей утверждают, что первоначально замысел Петра I был направлен на создание органа контроля за деятельностью Сената, однако, представляется, что Петр I считал, прокуратуру органом правозащитным, который должен охранять интересы, в том числе и граждан.

Исторически впервые в 1802 году на прокуроров была возложена функция надзора за расследованием уголовных дел в соответствии с указами императора 1802 года [1]. В полномочия прокуроров входил надзор за тем, чтобы при расследовании преступлений не использовались «пристрастные допросы» и истязания, не допускалось привлечение к ответственности невиновных, не было сокрытия преступлений и послабления преступникам [2].

Стоит отметить, что организационно-правовое оформление, как органов расследования, так и прокурорского надзора за следствием, окончательно оформилось в ходе судебной реформы 60-х гг. XIX века. Появилась процессуальная фигура судебного следователя, поднадзорная в своей деятельности прокурору, что обусловило дальнейшее взаимодействие следователя и прокурора в ходе расследования преступлений.

Однако ученые констатировали, что до судебных реформ 60-х гг. XIX века прокуратура была преимущественно органом надзора за администрацией на местах, «собственно судебная обвинительная или исковая деятельность составляла лишь одно из частных дополнений к функции надзора, едва намеченное в законе, слабое

и незначительное на практике» [3]. Прокуратура лишилась прокурорского участия по соблюдению законности не потому, что указанный надзор был бесполезен, а потому, что препятствовал родовой аристократии и чиновникам всецельной администрации в своих не всегда законных действиях.

Устав уголовного судопроизводства [4] (далее — УУС) установил следующие полномочия прокурора по осуществлению надзора за предварительным следствием: в соответствии со ст. 213 Учреждений судебных установлений следователи назначались на должность по представлениям прокуроров окружных судов; представления прокурора было достаточно для перевода следователя из одного округа в другой; прокуроры уполномочены осуществлять наблюдение за деятельностью судебного следователя, в том числе путем личного присутствия при всех следственных действиях (ст. ст. 278, 280 УУС); прокурор вправе предъявлять судебному следователю требования об устранении нарушений закона (ст. 281 УУС), причем следователь обязан эти требования исполнить, а если к этому встретится препятствие, он должен его преодолеть, уведомляя об этом прокурора и ожидая его разрешения (ст. 282 УУС). Заметим, что эта норма на практике вызвала много споров.

Большинство исследователей приходили к выводу, что незаконные требования прокурора не должны были ни в коей мере исполняться следователем. Однако по вопросу законности таких требований прокурора существовали разногласия [5]. Так, надзор прокурора касался применения судебным следователем мер пресечения (ст. ст. 283, 284, 285 УУС); право прокурора требовать дополнения предварительного следствия по сделанным им судебному следователю указаниям (ст. 286 УУС).

Все эти полномочия прокурора по надзору за предварительным следствием позволяли прокурору, не вмешиваясь в конкретную деятельность судебного следователя, принимать меры к обеспечению надлежащего качества предварительного следствия.

При окончании предварительного следствия следователь направлял уголовное дело прокурору для начала судебного разбирательства. Устав уголовного судопроизводства предоставлял прокурору право требовать дополнения следствия, признанного следователем окончательным, независимо от того передавал ли он его в суд для рассмотрения, или предлагал прекратить его за отсутствием признаков преступления или по другим основаниям. Заключение прокурора о передаче обвиняемого суду было в форме обвинительного акта по делам, по которым проводилось следствие. Если палата соглашалась с обвинительным актом, то в соответствии с ее определением дело направлялось в окружной суд для рассмотрения.

Прокурорский надзор за деятельностью следователей в данный период времени характеризовался наиболее широкими полномочиями прокурора в данной сфере, в обязанности следователей входило представление надзорному ведомству отчеты о своей деятельности, все прекращенные следственные производства. С 1871 г. следователи стали представлять сведения прокурору о начале следствия и окончании следствия.

Литература:

1. Именной указ Сенату от 08.09.1802 «О правах и обязанностях Сената» // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVII. № 20405.
2. Беляев В. П., Гусакова Ю. С., Ларина О. Г. Взаимодействие органов расследования и прокуратуры России в XVIII — начале XX в. Курск: Изд-во Юго-Запад. гос. ун-та, 2012.
3. Бессарабов В. Г. Советская прокуратура (1922–1991 годы) // Журнал российского права. 2002. № 12. С. 121.
4. Устав уголовного судопроизводства от 20 нояб. 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / отв. ред. Б. В. Вилинский. М.: Юрид. лит., 1991. С. 155.
5. Буцковский Н. А. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. СПб., 1874. С. 425.

В течение XIX — начале XX в. институт взаимодействия органов следствия и прокуратуры не подвергался изменениям, они действовали слажено, являясь реальной силой по борьбе с преступностью.

В советский период незыблемым оставался прокурорский надзор за следствием, процессуальное руководство деятельностью следователей со стороны прокуроров. Суть данного руководства и взаимодействия заключалась в том, что это сотрудничество являлось эффективным в сфере противодействия преступности.

По результатам изложенного можно констатировать, что на протяжении длительного времени в нашей стране действовал хорошо отлаженный механизм взаимодействия органов расследования и прокуратуры, позволяющий успешно противодействовать преступности.

Несмотря на многие трудности, смены режимов и формы государств, прокуратура продолжает выступать одним из важнейших механизмов реализации государственной власти, обеспечивающих верховенство закона, единство и укрепление законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Повышение ставки НДФЛ до 15%: популистская мера или реальный шаг в поддержку экономики?

Крючкова Виолетта Дмитриевна, студент;

Серова Анастасия Романовна, студент;

Садовская Татьяна Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Проблема реализации принципов социальной справедливости, установленных в Налоговом кодексе Российской Федерации (далее — НК РФ) как всеобщность и равенство налогообложения, фактическая способность налогоплательщика к уплате налога (ст. 3 п. 1), — один из факторов общественного доверия к институтам государственной власти и финансовой системе государства. Примером может служить налог на доходы физических лиц (далее — подоходный налог, НДФЛ), на основе которого в наиболее наглядной форме реализуются принципы социальной справедливости, сглаживаются различия в конечном потреблении товаров и услуг. Однако осуществленные в России с 1 января 2001 г. изменения в механизме налогообложения доходов физических лиц не соответствуют этим принципам. Поэтому и на сегодняшний день проблема социальной справедливости в налогообложении остается актуальной и дискуссионной [1].

Устранение социального неравенства посредством подоходного налогообложения, по мнению специалистов, возможно двумя способами:

- за счет установления открытой прогрессии (применения прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц);
- за счет установления скрытой прогрессии (использование таких инструментов, как необлагаемый минимум и налоговые вычеты) [2].

Споры о прогрессивной шкале НДФЛ, лежащей в основании всех welfare state в мире, ведутся в России два десятилетия. Вместе с тем, представляет интерес информация, что группа миллионеров из США и стран Западной Европы выступила накануне открытия саммита G20 с открытым письмом, в котором призвала правительство мира повысить им налоги «немедленно, значительно и постоянно». По их мнению, это поможет таким людям, как они, исполнить «критически важную роль» в борьбе с пандемией коронавируса. Это уже не первая такая инициатива. Письмо с аналогичным требованием было опубликовано в январе перед очередным заседанием Всемирного экономического форума, а еще раньше

группа, которая назвала себя «миллионерами-патриотами», лоббировала повышение налогов для самых богатых в США. Наконец, еще в марте 2016 года более 40 миллионеров из Нью-Йорка обратились с письмом к властям штата с просьбой увеличить налоги для наиболее богатых жителей штата [3].

23 июня 2020 года Президент Российской Федерации В. В. Путин в обращении к россиянам объявил о планах повышения ставки подоходного налога для граждан с высокими зарплатами. В связи с этим возникает вопрос: инициатива Президента России по повышению ставки НДФЛ до 15% является реальным шагом к достижению социальной справедливости, направленной на упорядочение уже существующей дифференцированной системы налоговых ставок и вычетов, или мерой, направленной на снятие социальной напряженности в стране, сложившейся на фоне ряда ограничительных мер, связанных с пандемией COVID-19?

Статьей 224 НК РФ ставка налога на доходы физических лиц установлена в размере 13%. Данная ставка, действовавшая в течение 20 лет, перестанет быть единой. С 1 января 2021 года граждане, зарабатывающие свыше 5 млн руб. в год, будут платить налог по ставке 15%. Повышенной ставкой будут облагаться не все доходы, а только та их часть, которая превышает 5 млн в год.

Согласно данным Росстата, зарплаты свыше 3 млн руб. в год получают всего 0,8% работающих россиян, что составляет около 500 тыс. человек, а свыше 5 млн руб. — еще меньше, это даст бюджету порядка 60 млрд руб. [4]. Полученные бюджетом средства станут целевыми и будут направлены на лечение детей с тяжелыми, редкими заболеваниями, на закупку дорогостоящих лекарств, техники и средств реабилитации, на проведение высокотехнологичных операций. Эта достаточно скромная в сравнении с реальными потребностями медицины сумма будет распределена по региональным бюджетам с большим упором на Москву и Санкт-Петербург, поскольку именно там сосредоточена основная часть плательщиков этого увеличенного налога.

По мнению главы государства, плоская должна быть шкала налогообложения доходов или прогрессивная, не имеет никакого отношения к справедливости, просто с учетом нового качества администрирования, внедрения цифровых технологий появилась возможность распределять налоговую нагрузку более дифференцировано и направлять дополнительные финансовые поступления на решение конкретных, значимых для общества задач.

Критиками существующей фискальной системы такие меры могут быть истолкованы как популистские, но анализ налогового законодательства, с учётом ряда иных мер, принимаемых в сфере социальной поддержки граждан, позволяет сделать вывод о том, что такое повышение ставки НДФЛ может быть воспринято как шаг к построению дифференцированной системы налогообложения. К таким шагам можно отнести, например, предложение по увеличению налогового вычета при покупке жилья, о чём высказался член комитета Госдумы по бюджету и налогам Евгений Федоров [5].

Анализ системы налогов и налоговых вычетов для физических лиц позволяет считать справедливым то, что фактически в Российской Федерации имеются элементы прогрессивности налогообложения: механизм вычетов и льгот, а также различные ставки налога для отдельных доходов [6].

О необходимости введения в России прогрессивного налогообложения говорилось давно, в частности, имеется Совместное заявление академиков и директоров институтов РАН и ряда зарубежных ученых, включая лауреатов

Нобелевской премии по экономике Л. Кляйна, Ф. Модильяни, Д. Норта [7].

Налоговая прогрессия, по мнению ученых, не только не препятствует экономическому росту, но и обладает двойным эффектом, необходимым для экономического роста: а) создает массовый платежеспособный спрос и б) совместно с налогом на роскошь мотивирует высокодоходные группы использовать сверхдоходы не на эксклюзивное потребление, а на инвестиции в производительный сектор экономики. Исследования также показывают, что основными факторами уклонения от уплаты налогов являются не высокие ставки, а восприятие налоговой системы как несправедливой, неверие в солидарное поведение других налогоплательщиков, отсутствие уверенности в выполнении государством своих обязательств, его способности устанавливать справедливое (соразмерное) налогообложение и обеспечивать уплату налогов всеми гражданами без исключения (последнее выводит на конституционно-правовые вопросы подконтрольности власти народу) [8].

На сегодняшний день в литературе активно обсуждается инициатива главы государства [9]. Разделяем точку зрения тех специалистов, которые считают, что возврат к прогрессивному налогообложению доходов физических лиц объективно необходим и неизбежен, поскольку сохраняются огромные различия в доходах и уровне жизни различных групп населения. Представляется, что достичь социальной справедливости посредством налогообложения возможно, но в совокупном установлении открытой и скрытой прогрессии.

Литература:

1. Осипова Е. С. Прогрессивное налогообложение доходов как условие социальной справедливости // *Налоги*. 2016. № 1. С. 10–16.
2. Тихонова А. В. Необлагаемый минимум по НДФЛ как инструмент социализации налоговой системы России // *Налоги*. 2018. № 4. С. 36–40.
3. Келекеев А. Миллионеры попросили повысить им налоги для борьбы с COVID-19: электрон. версия газ. 13.07.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4415760> (дата обращения: 30.07.2020).
4. Делюкин Е. Сколько людей затронет повышение НДФЛ до 15%, почему налог станет сложнее считать и ждать ли увеличения ставок в будущем [Электронный ресурс]. 24.0.2020. URL: <https://vc.ru/finance/136821-skolko-lyudey-zatronet-povyshenie-ndfl-do-15-pochemu-nalog-stanet-slozhnee-schitat-i-zhdad-li-uvlicheniya-stavok-v-budushchem> (дата обращения: 30.07.2020).
5. В частности, депутат предложил увеличить суммы, с которых может быть произведен налоговый вычет, в два раза: до четырех миллионов от стоимости жилья и до шести миллионов — по уплаченным процентам по кредиту. По мнению Е. Федорова, эти меры позволят повысить доступность жилья. См. об этом: В Госдуме предложили увеличить налоговый вычет при покупке жилья [Электронный ресурс]. 04.07.2020. URL: <https://ria.ru/20200704/1573880633.html> (дата обращения: 30.07.2020).
6. Морозов Д. В. Актуальные вопросы прогрессивного налогообложения доходов // *Налоги* (газета). 2007. № 17.
7. Новая повестка дня для экономических реформ в России. URL: http://www.ng.ru/economics/2000-06-09/4_reform.html (дата обращения: 26.09.2018).
8. Болдырев О. Ю. Социальное государство: как приблизить реальность к конституционному принципу // *Конституционное и муниципальное право*. 2020. № 2. С. 11–16.
9. См., напр.: Зарипов В. Будущее налогообложения доходов физических лиц [Электронный ресурс]. 10.07.2020. URL: https://zakon.ru/blog/2020/07/10/budushee_nalogooblozheniya_dohodov_fizicheskikh_lic.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Содержание понятия «ликвидация юридического лица». Правовой аспект ликвидации коммерческих корпоративных организаций

Волобуева Алиса Евгеньевна, студент
Тюменский государственный университет

Ликвидация — это прекращение, окончание либо завершение определенных деятельностей чего-либо (структуры, корпорации, жизнедеятельности и др.). Ликвидация юридического лица включает в свое значение утрату им правоспособности, порядок и процесс которой установлен и регулируется законодательно. Обозначенное завершение может происходить в любых формах собственности, в любых режимах деятельности и налогообложения. Понятие, виды, формы и порядки регистрации юридического лица определены в части 1 главы 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (статьи с 48 — по 123), в соответствии с которым юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. [1]

Урегулирование деятельности юридического лица на законодательном уровне состоит не только из норм и положений касательно его организации возникновения, но и так же по отношению к его прекращению. О ликвидации организации, как о форме прекращения, толкуется в части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (статьи с 61 по 65), где ликвидация — это способ его прекращения, без перехода в порядке универсального правопреемства прав и обязанностей к другим лицам. По тексту данной нормы права следует понимать ликвидацию как юридическую процедуру, имеющую в дальнейшем последствия, к которым относятся: само полное прекращение корпорации как субъекта правоотношений, а также отсутствие правопреемства. Дополнительно процессы ликвидации закреплены в правовых актах различного уровня — это федеральные законы, и подзаконные правовые акты. Также институт ликвидации включает достаточно широкий спектр оснований для применения такой процедуры. В этой связи ликвидация организаций делится на два вида: добровольную (обычную) и принудительную (судебный порядок).

Ликвидация представляет собой одну из основных форм прекращения юридического лица, т. к. прекращение

является основной и обязательной чертой, образует суть этой процедуры. Можно утверждать, что прекращение и ликвидация глубоко связаны между собой как содержание и форма, система и составляющее. Таким образом, ликвидация не может осуществляться отдельно от прекращения.

Важно выделять существенные, присущие только процедуре ликвидации черты, такие как:

- 1) абсолютное и безвозвратное прекращения функционирования юридического лица;
- 2) прекращение у ликвидированного юридического лица каких-либо обязательств, за исключением случаев, закрепленных в законе, их возложения на публичный субъект;
- 3) исключение вообще какого-либо возможного правопреемства.

Таким образом, можно предложить обозначение процедуры ликвидации юридического лица, как действие, которое осуществляется по решению его учредителей либо уполномоченного органа юридического лица, государственного органа или суда, без перехода в порядке правопреемства прав и обязанностей, в конечном результате осуществления которой юридическое лицо полностью прекращает свое существование.

В процессе исследования процедуры ликвидации коммерческих организаций, большое количество выводов и предложений нашло свое отображение в ряде научных работ известных авторов.

Так, об изменениях правоспособности юридического лица в процессе ликвидации, о позициях правоспособности в гражданско-правовой доктрине говорил С. К. Лисецкий в своей публикации «Процесс ликвидации юридического лица как отражение динамики его правосубъектности» [2, с. 95–97]. Он проанализировал взаимосвязь целей ликвидации с ее правоспособностью.

Конструктивно и детально проведен анализ полномочий ликвидационной комиссии и принципы их осуществления в своем автореферате А. А. Саргсян «Гражданско-правовое регулирование процедуры ликвидации хозяйственных обществ Российской Федерации».

Так же было рассмотрено регулирование процесса исполнения ликвидируемым предприятием своих обязательств перед кредиторами. [3, с. 18]

Об обязанностях в течении всего длительного времени и способах их правильного выполнения говорили Зыкова А. В., Тюрева К. С., Черемушникова Т. В. в своей научной статье «Процедура ликвидации юридического лица: правовые и бухгалтерские аспекты», анализируя больше сторону бухгалтерских функций организаций в преддверии ликвидации. [4]. Они раскрыли значимость составления промежуточного баланса при процедуре ликвидации, его важное значение и содержание. Сделан вывод о том, что ликвидация — это длительный и сложный процесс, который проходит несколько последовательных и взаимосвязанных этапов, и характеризуется рядом отличительных особенностей при ведении бухгалтерского учета и составления отчетности.

Актуальные вопросы относительно порядка и процедуры ликвидации организации рассмотрел в своей монографии «Юридические лица в Российском гражданском праве» А. В. Габов, дав детальную характеристику понятию ликвидация, включая случаи принудительной ликвидации. [5, с. 172]

Достаточно выраженным признаком процедуры ликвидации является отсутствие какого-либо правопреемства. Его отсутствие является неким отличительным признаком данной процедуры от реорганизации. Этот признак не единственный, разными выступают и цели названных процедур, у реорганизации — это создать новое юридическое лицо, а у ликвидации — прекратить существование такового, что является конечной целью. Отличия между данными процедурами, как правило, должны содержаться в случае реорганизации — в наличии универсального правопреемства, а в случае ликвидации — соответственно, в отсутствии абсолютно любых форм правопреемства.

Проанализировав судебную практику о ликвидации организаций, можно отметить возможность использования категории ответственности и меры защиты прав и законных интересов сторон для обозначения ликвидации организаций в как в добровольном, так и в принудительном порядке.

Если говорить об источниках правового регулирования обсуждаемой процедуры, то на сегодняшний день институт ликвидации основывается и регулируется совокупностью норм и правил, закрепленных в действующей Конституции Российской Федерации. Регулирование ликвидации корпораций обширнее всего законодатель разместил в Гражданском кодексе, выделив ему пять статей с комментариями, которые коснулись нормотворчества в определении самого понятия, порядка удовлетворения требований кредиторов, защиты их прав, обязанностей лиц, принявших решение о ликвидации юридического лица, и другое. Дополнительно нормативные правовые акты, в которых регулируются аспекты и тонкости завершения предприятий обозначены в федеральных законах и подзаконных правовых актах.

Содержащиеся в Гражданском кодексе статьи с 61 по 65 обособленно содержат базовые правоустанавливающие положения, применимые ко всем юридическим лицам в целом, в то время как отдельные законы вмещают в себе детализацию отдельных видов и форм юридических лиц. Говорится про Федеральные законы, такие как: «Об акционерных обществах», об «Обществах с ограниченной ответственностью», о «Производственных кооперативах», о «Некоммерческих организациях», о «Государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Так же углубленно дает разъяснения касательно некоторых спорных вопросов о применении норм права Верховный суд в Постановлении Пленума Верховного суда от 23 июня 2015 года № 25 [6]. Нельзя не сказать о многочисленной и неоднозначной судебной практике по спорным вопросам о ликвидации коммерческих корпоративных организаций.

Говоря о процедуре ликвидации именно коммерческих корпоративных организаций, для начала следует отметить, что их обозначение определено законодателем в статье 50 Гражданского кодекса и обозначает — юридических лиц, преследующих в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли.

Отличительной чертой процедуры ликвидации коммерческой организации от некоммерческой является распределения оставшегося после данной процедуры имущества. Если после ликвидации коммерческой организации имущество подлежит разделу между ее участниками, то оставшееся имущество некоммерческой организации направляется на цели, которые отвечают умыслам уставного фонда компании либо на благотворительные умыслы. В случае если же применение имущества в таких умыслах по каким-то причинам не представляется вероятным, то оно оказывается собственностью страны. Исключение составляют некоммерческие партнерства. Так как они создаются на базе членства, то оставшееся имущество распределяется между участниками согласно с размером их имущественного платежа

Правовой режим ликвидации корпораций включает в себя несколько составляющих: 1) основания ликвидации, т. е. те юридические факты, с которыми законодательство связывает начало процедуры ликвидации; 2) порядок ликвидации, т. е., собственно, определенная совокупность юридических фактов, наступление которых необходимо для достижения юридической цели ликвидации — прекращения юридического лица; установленная законом последовательность наступления таких фактов; срок осуществления ликвидации; 3) последствия ликвидации. Главным таким последствием выступает прекращение юридического лица. Однако перечень последствий этим не исчерпывается, поскольку разные правовые режимы ликвидации могут по-разному влиять на судьбу имущества, а также отдельных обязательств ликвидируемого юридического лица, повлечь, в том числе ответственность членом органов управления ликвидируемого лица.

В российском законодательстве нет единого отдельного свода законов или конкретно обособленного од-

ного закона, регламентирующего и собравшего в себе все правовые аспекты ликвидации юридических лиц, потому на сегодняшний день есть необходимость в создании и публикации такового.

Говоря о количественных показателях применяемой процедуры ликвидации, то по состоянию на 01 мая 2020 года по официальным данным статистической отчетности ФНС России количество юридических лиц, прекративших свою деятельность по разным основаниям (в результате реорганизации, в связи с ликвидацией, в том числе в порядке несостоятельности / банкротства) достигло семи миллионов организаций разных организационно-правовых форм, в том числе индивидуальных предпринимателей [7]. Следовательно данная процедура достаточно распространена, а значит требует легального закрепления в законодательстве. Особую роль необходимо отвести нормотворческим эпизодам, корреспондирующим и максимально направленным на сохранение и избежание процедуры ликвидации, тем самым обуславливая поддержание экономики страны.

Широко анализируют институт ликвидации, рассматривая ее содержание и правовое регулирование в своей научной статье по праву «Содержание и правовые аспекты процедуры ликвидации юридических лиц» такие авторы, как Мазин Д. И. и Давудов Д. А. [8]. В данной статье рассмотрены особенности этапов ликвидации юридического лица, выявлены основные отличия между добровольной и принудительной ликвидацией, так же установлено, что существующие пробелы правового регулирования процедур ликвидации юридических лиц

крайне осложняют этот процесс на практике. Сделан вывод о необходимости устранения указанных проблем в законодательстве.

Авторами Епифановой Т. В., Евстафьевой Е. И. и Цыганок Т. И. в научной работе «Правовые проблемы ликвидации юридических лиц» [9] были сделаны выводы о том, что нормы гражданского законодательства о ликвидации юридических лиц необходимо систематизировать. Есть необходимость выделить и нормативно закрепить институт юридического лица не отдельной главой, а отдельным разделом, что позволит отвести отдельное место уже детально разработанным нормам о создании, реорганизации и ликвидации корпораций. Это необходимо для упорядочивания указанных правоотношений и предотвращения множества правовых коллизий.

В научной статье «К вопросу о правовой природе исключения юридических лиц из единого государственного реестра по решению регистрирующего органа» автор Карева И. Д. [10] подробно рассматривает именно основания исключения из реестра, саму процедуру, правоприменительную практику, делает выводы о правовой природе такой процедуры в целом.

В целом нормы российского законодательства тесно пересекаются и проецируют процедуру ликвидации как в романо-германской семье, где говорится не об отождествлении процедур ликвидации и банкротства, а напротив, выделяют в процедуре ликвидации платежеспособность корпорации, тем самым дифференцируя эти два понятия. Однозначного соотношения между ними до сих пор не обозначено.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. (в редакции от 16.12.2019 г.) // СЗ РФ. — 2019. — № 52.
2. Лисецкий С. К. Процесс ликвидации юридического лица как отражение динамики его правосубъектности // Юридический вестник Омского государственного университета. — 2017. — № 3. 199с. — с. (95–97).
3. Саргсян А. А. Гражданско-правовое регулирование процедуры ликвидации хозяйственных обществ Российской Федерации. — Автореферат, 28 л., 2017 г. — С. 18
4. Зыкова А. В., Тюрева К. С., Черемушников Т. В. Процедура ликвидации юридического лица: правовые и бухгалтерские аспекты // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 5.
5. Габов А. В. Юридические лица в российском гражданском праве. В 3-х т. Т. 3. Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц: монография / А. В. Габов, К. Д. Гасников, В. П. Емельянцева, Ю. Н. Кашеварова; отв. ред. А. В. Габов. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2017. — 172 с.
6. Постановлении Пленума Верховного суда от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
7. Отчет по форме № 1-ЮР (2020 год) / Официальный сайт ФНС России [Электронный ресурс] — <https://www.nalog.ru>
8. Мазин Д. И., Давудов Д. А. научная статья по праву- «Содержание и правовые аспекты процедуры ликвидации юридических лиц» -научно образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» № 4/2020, [электронный ресурс — <https://cyberleninka.ru/>]
9. Епифанова Т. В., Евстафьева Е. И., Цыганок Т. И. Правовые проблемы ликвидации юридических лиц // Проблемы экономики и юридической практики № 5, 2018 г. — [электронный ресурс — <https://cyberleninka.ru/>]
10. Карева И. Д. К вопросу о правовой природе исключения юридических лиц из единого государственного реестра по решению регистрирующего органа // Вестник Новосибирского государственного университета от 06.12.2018 г.

Инвестиционный договор. Анализ материалов судебной практики

Флоря Оксана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент;

Дамаскин Владимир Владимирович, студент магистратуры

Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь, Молдова)

Статья посвящена выявлению проблем и определению путей их решения в части определения правовой природы инвестиционных договоров. Анализируются текущие научные конструкции договорных отношений в сфере инвестиционной деятельности. Авторы статьи приходят к выводу, что на сегодняшний день совершенствование системы правового регулирования инвестиционных договоров предполагает параллельное развитие нескольких направлений и проведение глубоких исследований правовой природы, специфики предмета и содержания инвестиционных контрактов с опорой на изучение материалов судебной практики.

Резюмируя, авторы делают вывод о том, что решение представленных проблем предполагает в первую очередь разработку законодательного определения инвестиционного договора для обеспечения единого подхода к определению данной категории договоров в системе гражданско-правовых отношений на всех законодательных уровнях.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционный контракт, инвестиционная деятельность, правовая природа, судебная практика.

Основные принципы правового определения инвестиций и инвестиционного договора обусловлены спецификой и традициями с учетом основных положений законодательства.

Большинство квалифицирующих признаков инвестиционного договора, в том числе долгосрочный характер договорных отношений, коммерческая заинтересованность, целевое использование средств соглашения по своему содержанию не являются юридическими, а скорее отражают экономическую сущность соглашения.

Многие проблемы правового определения инвестиционного договора проявляются в правоприменительной практике и рассмотрении судебных споров.

В частности, одним из конкретных положений, вызвавшим волну судебных разбирательств стало положение, закрепленное в п. 3. ст. 3 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений».

Данное положение регулирует инвестиционные отношения в сфере вложений в строительство и имеет следующее содержание: «Объект инвестиционной деятельности, строительство которого осуществляется с привлечением внебюджетных источников финансирования на земельном участке, находящемся в государственной или муниципальной собственности, по договору, заключенному с органом государственной власти, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением либо унитарным предприятием до 1 января 2011 года и предусматривающему распределение площади соответствующего объекта инвестиционной деятельности между сторонами данного договора, признается долевой собственностью сторон данного договора до момента государственной регистрации права собственности на этот объект в соответствии со статьей 24.2 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» с учетом распределения долей, предусмотренного данным договором.

Государственная регистрация права долевой собственности на эти незавершенные объекты инвестиционной деятельности не требуется».

Фактически содержание данного положения устанавливает специальный режим регулирования правового статуса для ряда объектов недвижимости, строящейся на основании инвестиционного договора.

Сам факт принятия данного положения отчетливо отражает проблему неясности в установлении принципов определения правовых норм, регулирующих инвестиционную деятельность. Договор инвестирования в недвижимость по формальным критериям должен рассматриваться как разновидность инвестиционного контракта, а, значит, не противоречить действующему инвестиционному праву. Однако специальный режим, устанавливаемый приведенным положением, очевидно противоречит нормам ГК РФ (ст. 219) в части нарушения принципов равенства государственной и частной собственности, равенства прав кредиторов при банкротстве и иных фундаментальных начал российского законодательства.

Решением описанной проблемы явилась переквалификация данного типа инвестиционных договоров в договоры простого товарищества. Данное решение было предложено Пленумом ВАС РФ в июле 2007 года и закреплено

Постановлением Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54. Данное постановление также регламентирует такие важные аспекты правовых отношений, как возникновение права собственности на объекты инвестирования, а именно на создаваемый объект недвижимости и/или земельный участок, на котором оно возведено. При определении таких оснований ВАС опирался на ст. 131 и ст. 219 ГК РФ, что в некотором смысле означает, что в правоприменительной практике договоры инвестирования продолжают рассматриваться в рамках гражданско-правовых отношений.

Вместе с тем в Постановлении содержится принципиальное противоречие положению Закона об инвестиционной деятельности, где указано, что для возникно-

вения права собственности на объекты инвестирования не требуется государственной регистрации, в то время как Постановление моментом установления права собственности указывает момент государственной регистрации права в ЕГРП.

Разрешением данного противоречия стало внесение в Закон об инвестиционной деятельности соответствующих изменений.

Таким образом, источником правового определения природы и условий установления правовых отношений в сфере инвестирования в строительство стала правоприменительная практика.

В условиях значительной правовой неопределенности конструкции инвестиционного договора данный источник уточнения и приведения правовых норм в соответствие с практикой осуществления инвестиционной деятельности представляется перспективным с точки зрения совершенствования федерального законодательства.

Применение данного способа определения характера договора при возникновении споров в сфере инвестирования ведет к преимущественной квалификации инвестиционных контрактов как договоров простого товарищества (договоры о совместной деятельности) на основании характеристики вклада сторон.

Многие исследователи, рассматривая описанную тенденцию перекалфикации инвестиционных контрактов в договоры простого товарищества, указывают на то, что такая практика ущемляет свободу договора и договорных отношений.

Судебные определения инвестиционного договора не устанавливают и не предпринимают попыток установить наличие в инвестиционном контракте квалифицирующих признаков, которые присущи договору простого товарищества, в частности совместной деятельности сторон

по договору; соединения сторонами по договору своих вкладов; наличия у сторон по договору общей цели; отсутствия встречных обязательств.

Вместе с тем ВАС РФ предлагает решение проблемы нарушения принципа свободы договора, установленного ГК РФ (ст. 421). В частности, для договоров, которые не содержат признаков намерения ведения совместной деятельности, а также содержат указание на возмездный характер отношений, в качестве определяющей категории предлагается категория смешанного договора.

Данное решение вводит особое условие квалификации инвестиционных договоров — анализ всей совокупности заключенных договоров и соглашений, которые были установлены между сторонами. Так, содержание и характер этих договоров и соглашений позволяет уточнить их намерения и более ясно понять конструкцию инвестиционного контракта.

В отечественной практике также выносятся предложения признать ряд инвестиционных договоров непоименованными, что, по мнению многих экспертов, позволит сохранять договорную конструкцию отношений сторон по инвестиционному договору в спорных случаях. Кроме того, данная мера может помочь в выборе надлежащего способа защиты в спорах о признании права собственности на долю в инвестиционных объектах с участием публичных органов.

Таким образом, на сегодняшний день совершенствование системы правового регулирования инвестиционных договоров предполагает параллельное развитие нескольких направлений и проведение глубоких

Научные горизонты исследований правовой природы, специфики предмета и содержания инвестиционных контрактов с опорой на изучение материалов судебной практики.

Литература:

1. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // Вестник ВАС РФ. — 2011. — № 9.
2. Басыров И. И. Понятие и признаки инвестиционного договора (контракта) // Юрист. 2008. N 2. С. 15–17.
3. Коновалов В. В. Договор в инвестиционной деятельности: особенности судебной защиты прав и интересов инвесторов // Российский судья. — 2012. — № 8. — С. 9–13.
4. Лаптева А. М. Правовая природа инвестиционного договора // Цивилист. — М.: АНО «Юридические программы», 2013, № 2. — С. 64–66

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Институт публичного порядка в нотариальном праве

Мамедалиева Альбина Вугаровна, студент
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Интеграция России в международную экономику, активные процессы миграции, свободное перемещение капиталов и предприятий — все это открыло для нотариата новую и относительно неурегулированную сферу деятельности. Нотариат в сфере действия международного частного права выполняет значительный комплекс действий, к которым можно отнести следующие:

- Принятие документов, выданных за рубежом;
- Удостоверение подобных документов;
- Обеспечение доказательств при ведении дела в суде или иных органах иностранного государства и т. д.

Ситуации, в которых нотариусу необходимо обращаться к международному частному праву, в частности — к выбору на основе коллизионных норм применимого права, для удобства можно разделить на три категории:

- 1) Изначально имеющие международный характер — такие ситуации непосредственно связаны с правопорядками нескольких государств (смешанные браки; наследование имущества, находящегося за рубежом; ипотека, финансируемая иностранным банком).
- 2) Внутренние отношения, приобретающие международный характер — режим имущественных отношений в семьях беженцев или мигрантов.
- 3) Чисто внутренние правоотношения, способные в будущем приобрести международный характер — отличие от ситуаций второго вида, которые уже носят международный характер в силу прошлых связей с иностранным правопорядком, в данном случае нотариус учитывает перспективы развития ситуации.

При возникновении одной из таких ситуаций неизбежно обращение к нормам международного частного права — к коллизионным нормам. принципиальным условием обращения компетентного нотариуса к иностранному праву является прямое указание российской коллизионной нормы на него как на применимое к отношениям, осложненным внешним элементом.

В настоящее время Российская Федерация для регулирования отношений с иностранным элементом (в частности, для нотариального процесса) использует следующие коллизионные привязки:

- *Lex rei sitae* (закон местонахождения объекта) — вещные права регулируются правом страны по месту нахождения имущества;
- *Lex personalis* (личный закон) — применимое право определяется в зависимости от гражданства либо места жительства лица;
- *Locus regit actum* (локальный статут) — в соответствии с ним юридические факты подчиняются законодательству места, где они произошли. Таким образом, нотариальные документы, которые созданы за рубежом, должны соответствовать требованиям местной формы.
- Автономный статут — применяется при регулировании обязательственных отношений, в которых стороны договора при его заключении или в последующем по соглашению между собой могут выбирать право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям [Медведев И. Г. Международное частное право и нотариальная деятельность (2-е изд.). — М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 10].
- Статут наиболее тесной связи — в случае, если стороны не воспользовались возможностью выбора применимого к их отношению права, применяется право страны, с которым правоотношение имеет более тесные связи.
- *Lex fori* — судопроизводство, а также порядок совершения нотариальных действий (нотариальное производство) ведется в соответствии с законами по месту рассмотрения дела (совершения нотариальных действий).

В ряде случаев в применение норм иностранного права может стать невозможным — фактически или юридически, в связи с чем происходит их замена на соответствующие положения российских материальных законов. Представляется обоснованной классификация таких обстоятельств на основные и факультативные. К факультативным следует относить так называемую техническую невозможность. Под последней понимают невозможность установления содержания применимого иностранного права. Однако такая причина не абсолютна — прежде, чем ее констатировать, нотариус должен принять все разумные меры для установления

содержания иностранного права. Что именно понимать под «разумными мерами», остается в настоящее время дискуссионным вопросом.

К основным обстоятельствам следует относить две важнейшие категории — публичный порядок и сверхимперативные нормы. Публичный порядок — это особая оценочная и весьма широкая категория международного частного права. В девятнадцатом веке сторонниками теории специальных двусторонних коллизионных норм было сформулировано положение о том, что публичный порядок — это институт, который помогает зарождению новых коллизионных норм. В России данную теорию развил М. И. Брун, в свое время подчеркнув, что всякий раз, когда в действующее конфликтное правило нужно ввести исключение — образовать новую и более специализированную конфликтную норму — говорят, что это делается во имя публичного порядка [Брун М. И. Публичный порядок в МЧП. Петроград, 1916. С. 75]. Ни российское, ни зарубежное законодательство не дает легального определения публичному порядку, что представляется обоснованным ввиду многообразия коллизий, в связи с чем обязанность определения сущности того, что называется «публичным порядком», ложится на правоприменителя. В целом же следует согласиться с тем, что публичный порядок наряду с такими конструкциями, как обратная отсылка, отсылка к праву третьей страны, адаптация, в наибольшей степени свойственны континентальной (традиционной) школе международного частного права, и в американской традиции их именуют *escape devices* (корректировочные инструменты).

Говоря о публичном порядке в нотариальном праве, условно можно разделить эту конструкцию на два вполне самостоятельных элемента: на процессуальный публичный порядок и материальный публичный порядок. И если нарушения процессуального публичного порядка в нотариальной практике встретить можно чрезвычайно редко, то материальный публичный порядок нарушается довольно часто. Обращение к конструкции публичного порядка неизбежно возникает в том случае, если нотариусу необходимо применить нормы мусульманского права. В соответствии с его нормами наследник мужского пола получает в два раза больше, чем женщины. Нормы Российской Федерации о наследовании не устанавливают подобных наследственных привилегий на основании пола или старшинства, в связи с чем нотариус на основании противоречия данных норм публичному порядку не применяет данный иностранный закон, который несет в себе дискриминирующие условия. Также, например, в России недопустимо нотариальное удостоверение второго брачного договора гражданина Алжира, состоящего в допускаемом его личным законом полигамном браке [Настольная книга нотариуса: В 4 т. Т. 4: Международное частное право, уголовное право и процесс в нотариальной деятельности / Под ред. И. Г. Медведева; Центр нотар. исслед. при Федер. нотар. палате. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2015. С. 40].

Однако важно понимать, что оговорка о публичном порядке — это исключение из общего правила регулирования нотариального процесса с иностранным элементом, в связи с чем нотариус не должен злоупотреблять использованием этой конструкции. Именно поэтому нотариус не вправе отказать в совершении нотариального действия на том основании, что иностранная правовая норма по своему содержанию существенно отличается от правовой или экономической системы Российской Федерации. Тем не менее, граница между отличием, на основании которого нельзя не применять иностранную норму, и противоречием, при котором и начинает работать защитный механизм публичного порядка, довольно условная, и задача нотариуса осложняется тем, что именно ему нужно ее определить. Однако нельзя не подчеркнуть, что по своей сути публичный порядок во многих случаях — особый рычаг для сторон, посредством которого они пытаются уклониться от определенных законодательных предписаний. Нотариусу в данном случае следует иметь в виду императивные нормы российского закона в целях недопущения совершения нотариальных действий, которые бы явно противоречили российскому законодательству. Особенно распространены ситуации злоупотребления выбором коллизионных правил в случае установления правового режима имущества — в подобных ситуациях нотариусу следует не только оценивать правомерность и обоснованность выбора стороной того или иного коллизионного статута, но и, как уже было упомянуто, сопоставлять их с императивными нормами национального правопорядка. Однако не всегда нотариус уполномочен отказать в совершении нотариального действия, даже если злоупотребление конструкцией публичного порядка очевидно. К наиболее распространенным случаям такого противоречия следует отнести удостоверение завещания — нотариус не вправе по указанной выше причине отказать в совершении данного нотариального действия, потому что российское законодательство закрепляет фундаментальный принцип свободы завещания (ст. 1119 ГК РФ). Тем не менее, в случае обнаружения такого злоупотребления нотариус на основании Закона Российской Федерации «О налоге на имущество, переходящее в порядке наследования или дарения» обязан разъяснить последствия нарушения предписаний российского закона [Медведев И. Г. Указ. соч. С. 24].

Более того, если субъективные права, приобретение которых в России будет противоречить публичному порядку, были приобретены за границей, то они не будут нарушать публичный порядок. Речь в данном случае идет о таких случаях, как, например, признание расторжения брака по основанию, не закрепленному в российском законодательстве.

В сфере регулирования процессуальных вопросов, в частности процедур совершения нотариальных действий, преобладают публично-правовые начала, поскольку нотариус на основании закона совершает переданные ему отдельные публично-правовые полномочия. Это подтверждается и процессуальным зако-

нодательством Российской Федерации (Гражданским и Арбитражным процессуальными кодексами), согласно которым обстоятельства, подтвержденные нотариусом, обладают публичным признанием и не требуют доказывания. Вместе с тем нужно оговориться, что осуществление публичных полномочий от имени государства и защита публичного интереса является чертой нотариата исключительно латинского типа [Российский нотариат: 25 лет на службе государству Р76 и обществу: Сборник статей / Под ред. Е. А. Борисовой. — М.: Юстицинформ, 2018. // Кирвель И. Ю. Развитие нотариата республики Беларусь].

На стадии оценки действия нотариального акта и его исполнения обращение к оговорке о публичном порядке вполне возможно. Здесь общим принципом явля-

ется включение соответствующего акта в режим исполнения иностранных судебных решений с обеспечением контроля, в рамках которого и должна осуществляться проверка на отсутствие противоречия публичному порядку [Категория публичного порядка в международном гражданском процессе / Крохалев С. В. — С.-Пб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. С. 91].

Таким образом, общим принципом здесь является включение соответствующих актов в режим признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений, с обеспечением соответствующего контроля. В силу соображений, изложенных выше, следует лишь признать принципиальную возможность проверки отсутствия противоречия публичному порядку при осуществлении такого контроля.

Литература:

1. Асосков А. В. Основы коллизионного права [Электронное издание]. — М.: М-Логос, 2017.
2. Брун М. И. Введение в международное частное право. Петроград, 1915.
3. Брун М. И. Международное частное право. Курс, читанный в Московском коммерческом институте в 1910/1911 гг. М., 1914.
4. Брун М. И. Публичный порядок в МЧП. Петроград, 1916.
5. Засемкова, О. Ф. Сверхимперативные нормы международного частного права: понятие, признаки, практика применения. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд-та юрид. наук. М., 2017.
6. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе / Крохалев С. В. — С.-Пб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006.
7. Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате / Под ред. д. ю. н., проф. Д. Я. Малешина. — М.: Статут, 2018.
8. Медведев И. Г. Международное частное право и нотариальная деятельность (2-е изд.). — М.: Волтерс Клувер, 2005.
9. Международное частное право: учебник для магистров / И. В. Гетьман-Павлова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2013.
10. Международное частное право и нотариальная деятельность / под ред. В. В. Яркова, Н. Ю. Рассказовой. М., 2009.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

История развития отечественного законодательства о коммерческом подкупе

Новиков Евгений Феоктистович, кандидат юридических наук, доцент;
Оглоблин Николай Геннадьевич, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье исследуется генезис отечественного антикоррупционного законодательства как в целом, так и в части, посвященной уголовно-правовому запрету коммерческого подкупа, начиная от времен Древней Руси и заканчивая настоящим временем.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, история коммерческого подкупа, коррупция, генезис коммерческого подкупа, коммерческий подкуп в отечественном законодательстве.

Следует указать, что взяточничество было известно еще с начала формирования государственности в нашей стране. Как известно, это происходило в IX веке. Как указывал Н. Г. Чернышевский: «Со времен Рюрика была богата Русь взяточниками» [10, с. 110]. Стоит, однако, отметить, что государство всегда старалось бороться с данным негативным фактором общественной жизни.

Анализ правовых источников Древней Руси позволяет нам установить, что запрет коррупционных преступлений берет свои истоки из Русской правды. Как указывают авторы, «в данном документе впервые была предусмотрена система кормления (содержания) должностных лиц: судьи и исполнительные при суде органы могли получать у местного населения как продовольственные продукты, так и деньги. Так как наказание за соответствующие деяния отсутствовало, масштабы злоупотребления со стороны должностных лиц только увеличивались» [11, с. 223].

Думается, тот факт, что нормы о запрете коррупции были включены в первый письменный значимый правовой источник Киевской Руси, говорит нам о высокой степени озабоченности первых лиц русского общества проблемами, связанными с коррупцией, и о их решимости бороться с данным негативным общественным явлением.

Следующее упоминание запрета коррупционных действий можно выявить в документе, принятом в особом государственном образовании Древней Руси — Псковской республике, а именно в Псковской судной грамоте 1397 г. Так, «статьей 4 указанного нормативно-правового акта прямо запрещалось князю и посаднику брать тайные поборы» [7, с. 189].

Интересно, что криминализация коррупционных преступлений достаточно поздно относительно Киева наблю-

дается в Новгородской судной грамоте 1440 г., а именно в статье 26 данного документа. В данной статье определялся порядок проведения суда высшей инстанции, в частности, «запрещалось брать посулы и решать дела по дружбе. Для обеспечения этого перед началом слушаний произносилась присяга. Присяга была значимым элементом в развитии наказания за данное преступление, так как она накладывает определенную юридическую ответственность» [12, с. 151].

Думается, значительное отставание правового реагирования на коррупционные правонарушения в Псковской и Новгородской землях обуславливалось особым государственным строем последних — республикой. При этом, однако, их название вряд ли соответствует историческому содержанию, и формой правления в Пскове и Новгороде фактически являлась олигархией — хотя основные вопросы жизни городов решались на Вече, оно было ширмой, прикрывающей решения и внутривластную борьбу крупных бояр, торговцев и представителей духовенства. Одной из значимых форм контроля представителей олигархии в подобного рода «республиках» является коррупция, позволяющая понуждать государственных чиновников, включая представителей исполнительной власти, принимать решения и выносить приговоры, выгодные взяточдателю.

При этом личные интересы представителей олигархии, как правило, ставятся выше совокупных интересов жителей новгородских и псковских земель, что приводит к принятию сиюминутных волюнтаристских решений, и максимальному затруднению принятия решений, невыгодных конкретному представителю правящей элиты. Из-за чего антикоррупционные положения в законодательства Пскова и Новгорода вносились столь долго.

В противном случае, при монархии Средневекового периода, которая была характерна для времени принятия

Русской Правды, правителю, Ярославу Мудрому, и поддерживающим его крупным феодалам был выгоден порядок в государственном аппарате и отсутствие возможности принимать решения с помощью коррупционных механизмов. Феодализм как общественно-экономическая формация в целом в качестве своей характерной черты имеет внеэкономическое принуждение эксплуатируемого населения, и экономические методы воздействия не являются необходимыми для феодалов, которые при наличии централизованной власти активно с ними борются.

В Судебнике 1497 г., который также принимался центральной властью средневековой Руси, находящейся теперь в Москве, в статье 1 «запрещалось получение «посула» (взятки) боярином, окольными или дьяком» [9, с. 22]. Следующим источником, содержащим нормы антикоррупционного законодательства, стало Соборное уложение 1649 г., в котором о запрете «посулов» (обещания каких-либо благ за содействие, сотрудничество) упоминается в четырех главах: «О службе всяких ратных людей московского Государства (VII); О суде (X); О суде патриарших приказных, и дворовых всяких людей, и крестьян (XII); О розбойных и о татинных делах (XXI)» [2, с. 256].

В 1714 году Петр I издал закон, согласно которому «за получение взятки впервые устанавливалась смертная казнь» [4, с. 749], которая до этого момента за коррупционные преступления не поменялась. Связать принятие настолько жестких антикоррупционных мер можно было с ростом контроля правителя за государственным аппаратом, который уже в 1721 году в созданной Российской Империи будет решительным образом необходим.

Как указывают авторы, «важным толчком в правовом регулировании ответственности за взяточничество имел Указ Российского Императора от 5 февраля 1724 года, в котором подчеркивалось, что вред от взяточничества причиняется именно интересам государства и государственной службы» [8, с. 135].

По мере появления в России различных форм собственности, становления и развития капиталистических отношений, появление видов деятельности, требующих соответствующей уголовно-правовой защиты, во второй половине XIX в. впервые появляются специализированные нормы об ответственности за злоупотребления полномочиями служащими в коммерческих организациях.

Таким образом, история развития законодательства Российского государства со времен его становления и до Октябрьской революции 1917 года свидетельствует о том, что наказуемым в данный период было лишь незаконное обогащение лица, являющегося государственным чиновником и совершающим определенные действия (бездействие) в пользу лица, дающего вознаграждение.

С 1917 года приоритетное значение для государства начинает занимать развитие экономики и государственный контроль над всеми сферами жизнедеятельности. Декрет СНК РСФСР от 8 мая 1918 года «О взяточничестве» указывал, что «субъектами получения взятки являлись лица, «состоящие на государственной или обще-

ственной службе» [6, с. 3]. Однако, как указывают авторы, «в тот период субъектами взяточничества признавались и лица, которые в современном уголовном законодательстве России подлежат ответственности по ст. 204 УК РФ, т. е. не являвшиеся государственными служащими. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года твердо установил, что субъектом получения взятки является именно должностное лицо, понятие которого определялось в принципе также, как и в УК 1922 года. В то же время примечание 2 к ст. 109 Кодекса устанавливало, что должностные лица профессиональных союзов несут ответственность за должностные преступления только в случае, если они привлечены к ответственности по постановлению профессионального союза» [8, с. 137].

В период новой экономической политики, когда начали развиваться кооперативы и товарищества, акционерные общества, частные магазины, предприятия с участием иностранного и частного капитала, весьма остро встал вопрос о признании должностными лицами работников негосударственных объединений и организаций. В связи с этим служащие негосударственных организаций рассматривались как должностные лица, если на указанные организации возлагалось выполнение различных общегосударственных задач.

Согласно примечанию к ст. 109 УК РСФСР 1926 года предлагалось считать должностными лицами лиц, работающих в жилищных товариществах, кооперативных организациях. Фактически данные лица привлекались к уголовной ответственности за получение взятки, совершая преступление, признаки которого ныне действующий Уголовный кодекс закрепил в ст. 204 как коммерческий подкуп.

Как пишут исследователи, «с началом перестройки в России опять начинают появляться множество различных предприятий и опять становится актуальным вопрос о возможности признания руководителей таких предприятий и других лиц, осуществляющих в них управленческие функции, должностными лицами. В этих условиях многие ученые стали высказывать точку зрения о том, что существует две уголовно-правовые формы коррупции (то есть подкупа одних лиц другими) — взяточничество в органах власти и государственного управления и коммерческий подкуп в негосударственных структурах и о необходимости разграничения этих преступлений» [6, с. 5].

Важно также отметить, что в XX веке введение в уголовное законодательство ответственности коммерческий подкуп протекало достаточно медленно, в законодательстве на тот период времени имелись статьи регулирующие схожие по своей сути составы преступлений, также можно заметить, что важную роль в развитие экономической ситуации в стране и общественных отношениях, которые за время своего развития привели к появлению понятия коммерческий подкуп привели законы принятые за период с 1985 по 1996 год: Закон СССР «О собственности в СССР», принятым 06.03.1990 г., Закон РСФСР «О собственности», принятым 24.12.1990 г. и «О предприятиях и предпринимательской деятельности».

Как указывает Д. А. Ельцов, «все вышеперечисленные законы привели к появлению свободных экономических отношений и появлению задатков демократического общества. И тогда в государстве начали возникать вопросы о регулировании злоупотребления субъектами экономических отношений коммерческих предприятий своими правами. Государство в лице своих законодательных органов должно было суметь научиться контролировать статус данных лиц управляющих коммерческими предприятиями и работающих там и их ответственность за злоупотребление своими правами, так как эти злоупотребления могли оказать не маленькое негативное влияние на экономику страны в целом. На тот имелось в государстве имелась только уголовная ответственность за коммерческое посредничество, которая могла наступать, когда оно осуществлялось частными лицами в виде промысла или в целях обогащения (ч. 2 ст. 153 УК 1960 г.)» [3, с. 16].

В связи с перестройкой в обществе и переходом государства к рыночным отношениям указанная статья была из Уголовного кодекса исключена. В этот период была начата разработка нового уголовного законодательства, закончившаяся принятием в 1996 г. нового Уголовного кодекса Российской Федерации и включение в него понятия коммерческий подкуп.

Если сравнить статьи Уголовного кодекса в вариации 1996 года и ныне действующего Уголовного кодекса в отношении коммерческого подкупа, то можно сделать следующий вывод, что само понятие вышеуказанного термина остается неизменным. Также стоит указать, что в современное уголовное законодательство в июле 2016 года были

добавлены две новые статьи 204.1 «Посредничество в коммерческом подкупе» и статья 204.2 «Мелкий коммерческий подкуп». Данными нормами формируется понятие посредничества, которое представляет из себя непосредственную передачу коммерческого подкупа в сторону адресата, также появляется разделение коммерческого подкупа и мелкого коммерческого подкупа, под которым законодатель понимает подкуп, не превышающий сумму 10000 тысяч рублей.

Из всего сказанного и проанализированного выше можно прийти к выводу, что российское государство шло достаточно плавно к появлению уголовной ответственности за коммерческий подкуп. Появление данного понятия в уголовном законодательстве напрямую связано с экономической политикой нашей страны. Важно отметить, что развитие данной области уголовно правовых отношений не стоит на месте и совершенствуется, что доказывается появлением ст. 204.1 и ст. 204.2 в Уголовном Кодексе Российской Федерации.

Коммерческий подкуп является одним из опаснейших преступлений, по вопросу связанному с уголовной ответственностью за данное преступление написано множество научных работ и высказано мнение не одного правоведа, ведь коммерческий подкуп нарушает права не только права лиц задействованных в данных криминальных отношениях, но непосредственно и третьих и в целом экономической обстановке в стране. Данный вопрос заслуживает регулирования на международном уровне и решения проблем применения ответственности в нашей стране.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Абрамович Г. В., Ивина Л. И., Маньков А. Г., Миронов Б. Н., и др. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий / Ред. кол.: Буганов В. И., Ирошников М. П., Маньков А. Г., Панях В. М. — Л., 1987. — 610 с.
3. Ельцов Д. А. Основные аспекты и история возникновения коммерческого подкупа / Д. А. Ельцов // Отечественная юриспруденция. — 2016. — № 11 (13). — С. 15–19.
4. Законодательство Петра I / Клеандрова В. М., Колобов Б. В., Кутьина Г. А., Новицкая Т. Е., и др.; Отв. ред.: Новицкая Т. Е., Преображенский А. А. — М., 1997. — 1098 с.
5. Кузнецова И. А. Историко-правовые аспекты ответственности за коммерческий подкуп / И. А. Кузнецова // Сборник научных трудов Тульского регионального филиала Российской правовой академии МЮ РФ. — Тула, 2002. — С. 3–19.
6. Кузнецова И. А. Предмет коммерческого подкупа // Законность и правопорядок: проблемы и исследования / Под общ. ред. А. А. Тихонова. — Тула, 2013. — 480 с.
7. Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование / Отв. ред.: Галанза П. Н. — М., 1951. — 392 с.
8. Седых В. В., Савичева Д. В. История развития уголовной ответственности за коммерческий подкуп / В. В. Седых, Д. В. Савичева // В сборнике: Наука сегодня: задачи и пути их решения. Материалы международной научно-практической конференции. В 2-х частях. — 2018. — С. 135–139.
9. Штамм С. М. Судебник 1497 года: Учеб. Пособие по истории государства и права СССР / С. М. Штамм. — М., 1955. — С. 22–40.
10. Чернышевский Н. Г. Откупная система. Письма без адреса / Н. Г. Чернышевский. — М., 1986. — 380 с.
11. Янин В. Л. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. Под общ. ред.: Чистяков О. И. — М., 1984. — 490 с.
12. Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий / В. Л. Янин. — М., 1990. — 872 с.

Состояние, структура и динамика коммерческого подкупа как одного из видов коррупционных преступлений

Новиков Евгений Феокистович, кандидат юридических наук, доцент;

Оглоблин Николай Геннадьевич, студент магистратуры

Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Статья посвящена актуальному анализу состояния коммерческой подкупа в Российской Федерации, его структуре и динамике, при этом анализ производится в сравнении с общей статистикой коррупционных преступных деяний.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, состояние коммерческого подкупа, коррупционные преступления.

Действенный контроль над преступностью включает в себя криминализацию деяний, предупреждение, пресечение и наказание за совершение преступления, а также восстановление нарушенных прав. Соответственно он не может быть осуществлен без основательного мониторинга (наблюдения, анализа, оценки и прогнозирования) криминологических, уголовных, уголовно-процессуальных и социально-правовых реалий. Работа элементов уголовной юстиции в настоящее время также не опирается на результаты действительной криминологической обстановки. Учетная в официальных источниках преступность составляет не более четверти от реального количества преступлений. Следовательно, мониторинг состояния преступности обязан строиться не только на данных об официально зарегистрированной преступности, но и на анализе тенденции латентности ее части [16, с. 110].

Важнейшим направлением уголовной политики Российской Федерации является противодействие коррупционным преступлениям, не малую их долю составляют преступления против интересов службы в коммерческих или иных организациях. При этом исследователи отмечают, что особую общественную опасность среди них представляет коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ)» [12, с. 10].

В настоящее время, удельный вес коммерческих и иных организаций, не являющихся государственными и муниципальными органами, государственными предприятиями и учреждениями существенно возрос. По мнению А. В. Варданяна, это «свидетельствует о том, что правоприменителю следует обратить пристальное внимание на предупреждение и противодействие преступности в сфере интересов службы в коммерческих или иных организациях, в связи с чем, необходимо разработать актуальную и действенную уголовно-правовую и криминологическую стратегию» [11, с. 13].

В связи с этим важным представляется провести анализ современного состояния, структуры и динамики коммерческого подкупа как одного из видов коррупционных преступлений. При этом, на наш взгляд, нельзя отрывать исследование коммерческого подкупа от изучения всех коррупционных преступлений.

Для обеспечения репрезентативности исследования считаем необходимым изучить совокупность данных об официально зарегистрированных фактах коммерческого подкупа, совершенных в России за последние 10 лет, с 2010 по 2019 г. Как представляется, подобный состав вы-

борки позволит получить наиболее точные выводы о современном состоянии и структуре коммерческого подкупа при осуществлении криминологического анализа. При этом вполне допустимо, что чрезвычайно высокая степень латентности взяточничества вряд ли позволит полученным выводам быть до конца объективными, хотя абсолютная объективность, как известно, недостижима ни в одной области, включая научное познание.

Итак, оценивая динамику состояния взяточничества в целом и коммерческого подкупа в частности за 10 лет на основе приведенных данных [17] (табл. 1), можно выделить несколько характерных тенденций.

Так, количество зарегистрированных фактов взяточничества в стране с 2010 по 2018 год несколько уменьшилось, однако четкой тенденции к снижению или росту у динамики взяточничества не наблюдается. Так, количество коррупционных преступников снижалось с 2010 по 2012 год на 29%. Однако затем оно планомерно повышалось вплоть до 2015 года (на 37%). Таким образом, в 2015 году уровень зарегистрированных фактов взяточничества даже превысил уровень 2009 года на 6%. Далее уровень зафиксированной коррупции плавно начал снижаться, однако в прошлом, 2018 году, вновь выразил тенденцию к повышению.

Таблица 1. Динамика состояния взяточничества и коммерческого подкупа

Год	Зарегистрировано фактов взяточничества	Зарегистрировано фактов коммерческого подкупа
2010	12 012	821
2011	10 952	802
2012	10 157	717
2013	12 120	1 037
2014	12 361	914
2015	13 938	1 802
2016	12 758	1 165
2017	12 111	840
2018	12 527	740
2019	13 867	990

Анализ данных по статистическому показателю в виде абсолютного прироста преступлений в сравнении с предыдущим годом на первый взгляд позволяет утверждать: ряд последовательных значений этого статистического показателя выглядит волнообразно. Наиболее высокая

амплитуда количества зарегистрированных фактов взяточничества в целом и коммерческого подкупа в частности в виде абсолютного прироста в сравнении с предыдущим годом наблюдалась в определенные годы — в 2013 и 2015. При этом наиболее высоких показателей снижения взяточничества наша страна достигла в 2010–2011 годах и 2016 году.

Представляется необходимым проанализировать указанные пики коррупционных проявлений и выявить их причины.

Заметное снижение коррупционных проявлений в 2010–2011 годах, на наш взгляд, способствовали инициативы недавно избранного Президента РФ Дмитрия Медведева по борьбе с коррупцией. Будучи кандидатом в президенты, он в своей предвыборной программе заверил, что в случае прихода к власти он намерен добиться выработки национального плана борьбы с коррупцией [13].

Реализацией предвыборных заявлений стало наступательное формирование правовой базы, которое, по задумке инициаторов, должно было создать нормативные предпосылки для пресечения и ограничения проявлений коррупции: 19 мая 2008 г. был издан Указ Президента РФ «О мерах по противодействию коррупции» [4]; 31 июля 2008 г. Указом Президента был утвержден Национальный план противодействия коррупции [14]; 25 декабря 2008 г. был принят Федеральный закон «О противодействии коррупции» [5] и одновременно с ним Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» [6] наконец, 17 июля 2009 г. — Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [7].

Столь скорая модернизация нормативной правовой базы создавала впечатление, что руководство страны решило победить коррупцию немедленно «здесь и сейчас», но при этом совсем неважно, будут ли реально созданы нормативные предпосылки противодействия этому социальному злу или нет. Заключительным аккордом во внедрении особых механизмов противодействия коррупции стало утверждение Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 Национальной стратегии противодействия коррупции и Национального плана противодействия коррупции на 2010–2011 годы [8].

Итог такой скороспелой борьбы с коррупцией не заставил себя ждать: после 2009 г. началось резкое снижение числа регистрируемых фактов не только взяточничества, но и должностных преступлений в целом.

В то же время указанные шоковые меры лишь ненадолго смогли снизить количество фактов взяточничества. Однако закономерного продолжения борьбы с коррупцией от нового, избранного в 2012 году, Президента не последовало. Так и не была ратифицирована статья 20 Конвенции ООН против коррупции [1]. Разговоры о ее ратификации ходят, но конкретных действий не предпринимается.

Так, Премьер-министр РФ Д. А. Медведев 6 декабря 2013 года на встрече с российскими телеканалами заявил, что Министерство юстиции готовит предложения по ст. 20 Конвенции ООН против коррупции:

«Статья 20 исходит из предположения, что лицо (должностное) предполагается виновным в совершении коррупционного правонарушения и должно само оправдываться, доказывать, что оно не коррупционер. Это вопрос выбора. На это можно пойти. И сейчас, кстати, предложения по статье 20-й Минюстом готовятся. Но мы должны взвесить все «за» и «против». «За» — борьба с коррупцией, это хорошо, пусть объяснят, откуда дворцы, как вы говорите, это нормально для всех. Но есть и аргумент против. Мы же понимаем, что наша правоохранительная система несовершенна. И если речь идет о том, что сначала лицо предполагается виновным, а потом должно доказать, что оно не совершало этого, это вообще-то выход за основополагающие принципы уголовного права, который у нас сложился» [15].

Помимо вышесказанного, обширные дискуссии ведутся вокруг темы изъятия незаконно нажитого имущества. В российском законодательстве есть пробелы, не позволяющие отнимать у чиновников имущество, приобретенное на незаконно полученные средства. В Федеральном законе от 3 декабря 2012 года (№ 230-ФЗ) «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» ст. 17 гласит:

«Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры при получении материалов, предусмотренных частью 3 статьи 16 настоящего Федерального закона, в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обращаются в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых лицом, замещающим (занимающим) одну из должностей, указанных в пункте 1 части 1 статьи 2 настоящего Федерального закона, не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы» [9].

Однако в Законе «О прокуратуре Российской Федерации» [10] и Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации [3] указанные полномочия по изъятию незаконно нажитого имущества не закреплены. В российском уголовном законодательстве прописаны штрафные санкции и увольнение.

Важно также проанализировать структуру взяточничества. Взятничество в структуре преступности в целом занимает весьма скромное место. Среднее значение удельного веса взяточничества в общем числе зарегистрированных преступлений в период с 2010 по 2019 год составило 0,25%; примерно столько же — 0,21% взяточничество занимало в структуре преступности в период с 2010 по 2019 год. Однако наблюдается общая тенденция

увеличения удельного веса взяточничества в структуре преступности, начавшаяся в 2011 году.

Анализируя данные Судебного департамента за 2019 год, можно представить структуру взяточничества в виде диаграммы (рис. 1)

Рис. 1. Структура взяточничества в 2019 г.

Как можно видеть из представленной диаграммы, значительную часть структуры коррупционных преступлений составляют деяния в форме мелкого взяточничества — то есть дача и получение взятки в размере не более 10 000 руб. Это подтверждает наш тезис о том, что на состояние и структуру коррупции в России во многом влияет экономическая ситуация, которая в настоящее время характеризуется низким уровнем доходов населения и, соответственно, низкими суммами взяток.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 26. — Ст. 2780.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. — 2002. — 20 ноября.
4. О мерах по противодействию коррупции: указ Президента РФ от 19.05.2008 г. № 815 // Российская газета. — 2008. — 22 мая.
5. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. — 2008. — 30 дек.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»: федер. закон от 25.12.2008 г. № 274-ФЗ // Российская газета (федер. вып.). — 2008. — 30 дек.
7. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федер. закон от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ // Российская газета. — 2009. — 22 июля.
8. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы: указ Президента РФ от 13.04.2010 г. № 460 // Российская газета. — 2010. — 15 апр.
9. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ // Российская газета. — 2012. — 5 декабря.
10. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202–1 // Российская газета. — 1995. — 25 ноября.
11. Варданян А. В. Осуществление управленческих полномочий в коммерческой или иной организации вопреки интересам службы: актуальные проблемы расследования / А. В. Варданян // Философия Права. — 2014. — № 6. — С. 13–28.

На коммерческий подкуп приходится около 5% всех совершенных коррупционных преступлений. Думается, что это объясняется их крайне высокой степенью латентности, которая имеет причиной менее пристальное внимание со стороны правоохранительных органов по сравнению с дачей и получением взятки государственными служащими.

Итак, проанализировав структуру, состояние и динамику взяточничества в нашей стране за последние 10 лет, можно прийти к выводу, что отсутствует четко выраженная динамика на уменьшение либо увеличение количества коррупционных преступлений. Количество зафиксированных преступлений колеблется в зависимости от действий государственных органов и должностных лиц, а также экономических условий существования российских граждан.

В настоящее время происходят структурные изменения в коррупционной преступности, связанные с ростом числа привлеченных к ответственности государственных служащих и должностных лиц, обвиняемых в получении взятки. При этом число взяточдателей уменьшается.

Однако без планомерных действий государства в плане борьбы с коррупцией вряд ли можно говорить о благоприятных перспективах для уменьшения коррупционных преступлений: растущий уровень экономики вновь приведет к увеличению их количества, а отсутствие решительных шагов государства повысит стимулирование чиновников к совершению коррупционных преступлений, за которые они не слишком рискуют понести наказание.

12. Исмагилов Р. А. Обеспечение безопасности лиц, способствующих выявлению коррупционных преступлений / Р. А. Исмагилов // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2016. — № 3. — С. 10–19.
13. Кузьмин В. На счет «три» Дмитрий Медведев объявил наступление на коррупцию по всем фронтам / В. Кузьмин // Российская газета. — 2008. — 25 мая.
14. Национальный план противодействия коррупции: указ Президента РФ от 31.07.2008 г. // Российская газета. — 2008. — 5 авг.
15. Медведев: РФ готовит предложения по коррупционной статье Конвенции ООН [Электронный ресурс]. — URL: ria.ru (Дата обращения 30 апреля 2019 г.).
16. Мониторинг уголовной политики России. Монография. Под общ. ред. С. В. Максимова. — М., 2014. — 516 с.
17. Состояние преступности. [Электронный ресурс]. — URL: мвд.рф (дата обращения: 15.09.2020).

Таможенные преступления: понятие, особенности и классификация

Рамалданов Ханбулат Хизриевич, старший преподаватель;

Полищук Анастасия Ивановна, студент;

Девятова Анастасия Андреевна, студент

Российский новый университет (г. Москва)

В данной статье проанализированы ранее данные определения таможенного преступления, дано авторское определение таможенного преступления как в узком, так и в широком смысле, раскрыты его характерные особенности и представлена классификация всех преступлений, отнесенных к компетенции таможенных органов.

Ключевые слова: таможенное преступление, таможенные органы, Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС), внешнеэкономическая деятельность, классификация таможенных преступлений.

С интеграцией Российской Федерации в Евразийский Экономический Союз (далее — ЕАЭС), в который на сегодняшний день входят Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия, возникла необходимость нового направления законотворческой деятельности государств-членов ЕАЭС. Требовалось разработать нормативную правовую базу, регулиующую перемещение через таможенную границу Союза товаров и выпуска их на таможенную территорию Союза.

Строгие меры таможенного контроля, установленные государством, осуществляются, прежде всего, ради защиты отечественного рынка, стимулирования к развитию национальной экономики, а также для обеспечения безопасности государства и его граждан. И, конечно, в ходе проведения таких мер контроля таможенными органами постоянно выявляются разного рода преступления.

Стремительное расширение внешнеэкономической деятельности России и других государств-членов Союза привело к росту её участников и, как следствие, преступности в таможенной сфере, что неизбежно потребовало применения специальных обновлённых знаний при расследовании таможенных преступлений.

Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование таможенных преступлений возложено на Федеральную Службу Безопасности Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации и, конечно же, Федеральную таможенную службу (далее — ФТС России). Деятельность таможенных органов направлена на защиту и стимулирование раз-

вития национальной экономики и обеспечения безопасности граждан государств-членов ЕАЭС.

Несмотря на то, что Таможенный Кодекс ЕАЭС (далее — ТК ЕАЭС) был разработан в 2017, а вступил в силу в 2018, на сегодняшний день определение «таможенного преступления» на законодательном уровне не закреплено.

Характерно, что криминология, выделяя среди видов преступности — таможенную, определяет ее как «... совокупность таможенных преступлений, связанных с нарушением порядка вывоза и ввоза, возврата на территорию РФ через таможенную границу товаров и ценностей» [6]. Данное определение трактует таможенные преступления в широком смысле.

Безусловно, в настоящее время в научном сообществе имеются разные определения относительно таможенного преступления. Огромный вклад в исследование различных проблем, связанных с таможенным регулированием, внес ученый-криминалист профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии Виктор Андреевич Жбанков.

Жбанков В. А. и Огнева О. А., определили таможенные преступления как общественно опасные, виновные, наказуемые деяния, посягающие на сферу экономической деятельности, связанную с порядком вывоза и возврата на территорию России товаров и ценностей через таможенную границу вопреки правовому запрету [7].

Также, Батычко В. Т. в своей книге «Таможенное право в вопросах и ответах» указал, что под преступлением в сфере таможенного дела (или как еще принято в тамо-

женном праве — таможенным преступлением) следует понимать предусмотренное уголовным законом общественно опасное виновное деяние (действие или бездействием), посягающее на установленный порядок перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу Российской Федерации, порядок их таможенного оформления и таможенного контроля, а также на порядок взимания и уплаты таможенных платежей [9].

Безусловно, упомянутые авторы оказали значительное влияние на широкое распространение определения таможенного преступления в научной среде. Однако, данные ранее определения, на наш взгляд, не в полной мере соответствуют действующему уголовному и таможенному законодательству.

Некоторые определения были даны во времена, когда действовала ст. 188 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), которая на сегодняшний день утратила силу. Уголовное и таможенное законодательство, как и любое другое, регулярно претерпевают изменения.

Рассматривая более основательно возникшую проблему отсутствия общепринятого определения таможенного преступления, очевидно, что нужно, прежде всего, раскрыть, что же законодательно определяется термином «преступление», а что подразумевается под частными случаями «таможенного».

Согласно п. 1 ст. 14 УК РФ, **преступлением** признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания [1].

В соответствии с п. 2 ст. 2 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О таможенном регулировании в Российской Федерации», **таможенное дело** в Российской Федерации представляет собой совокупность методов и средств обеспечения соблюдения порядка и условий ввоза товаров в Российскую Федерацию, вывоза товаров из Российской Федерации, их нахождения и использования в Российской Федерации или за ее пределами, порядка совершения таможенных операций, порядка исчисления, уплаты, взыскания и обеспечения таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, порядка проведения таможенного контроля, порядка соблюдения запретов и ограничений, установленных в соответствии с правом Союза и (или) законодательством Российской Федерации, а также обеспечения реализации властных отношений между таможенными органами и лицами, реализующими права владения, пользования и (или) распоряжения товарами [4].

Иными словами, все аспекты таможенного дела в Российской Федерации представляют собой регулирование внешнеэкономической деятельности Евразийского Экономического Союза.

Резюмируя вышеизложенное, предлагаем авторские определения предикатного преступления в сфере таможенного регулирования и таможенного преступления.

Предикатное преступление в сфере таможенного регулирования — это совершенное с прямым умыслом

общественно опасное деяние, предшествующее таможенному преступлению.

Таможенное преступление (в узком смысле) — это совершаемое с прямым умыслом общественно опасное деяние в сфере таможенного регулирования.

Таможенное преступление (в широком смысле) — это виновно совершенное общественно опасное деяние в сфере внешнеэкономической деятельности, связанное с нарушением порядка и условий перемещений товаров через таможенную границу, их нахождения и использования на таможенной территории или за ее пределами, порядка совершения таможенных операций, порядка исчисления, уплаты, взыскания и обеспечения таможенных платежей, порядка проведения таможенного контроля, порядка соблюдения запретов и ограничений, установленных правом Евразийского Экономического Союза и законодательством Российской Федерации, запрещенное Уголовным Кодексом Российской Федерации под угрозой наказания и отнесенное к компетенции таможенных органов, как органов дознания.

Что касается проблемы и особенностей характеристики таможенных преступлений, то их рассматривали в своих трудах многие авторы, например, Овчинников С. Н., Ныркова Н. А., Беспалько В. Г., Балгимбеков Д. У., Казиев А. С. и другие.

Анализ преступлений, совершаемых в сфере таможенной деятельности, позволяет выделить ряд нескольких характерных особенностей, отличающих их от преступлений в других сферах.

Во-первых, субъективная сторона таких преступлений всегда проявляется в форме прямого умысла. Это значит, что они совершаются субъектом при условии осознания им опасности своих действий (бездействий), предвидения возможности или неизбежности наступления общественно-опасных последствий и желания наступления этих последствий. То есть, полностью исключен факт совершения таможенных преступлений по неосторожности.

Так, например, невозможно совершить преступление по ст. 190 УК РФ «Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей» или по ст. 200.1 УК РФ «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов» по легкомыслию или небрежности.

Во-вторых, проанализировав п. 2 ст. 20 УК РФ можно сделать вывод о том, что уголовной ответственности за преступления в таможенной сфере подлежат только лица, достигшие на момент их совершения шестнадцатилетнего возраста.

В-третьих, предикатные (предшествующие) ряду преступлений в сфере таможенного регулирования противоправные деяния совершают преимущественно только те лица, которые имеют высшее образование и аналитический склад ума. Примером может послужить ст. 173.1. УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица» и ст. 193.1. УК РФ «Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации

на счета нерезидентов с использованием подложных документов». Для такого рода преступлений необходимы определенные умения и специфические знания в сфере экономической деятельности, которые у обычного гражданина, не имеющего опыта работы в данной сфере, не имеются.

Также необходимо отметить и тот факт, что некоторые преступления в сфере таможенного регулирования могут совершать только лица, не имеющие ранее судимостей. Как показывает практика, некоторые работодатели обязаны проверять своих соискателей на предмет судимости.

И наконец, в-четвертых, преступления, совершаемые в сфере таможенного регулирования, имеют скрытый (латентный) характер. Так, например, из анализа ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) «Поводы и основание для возбуждения уголовного дела» можно сделать вывод, что уголовные дела по факту совершения преступлений в таможенной сфере практически не возбуждаются по п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ — то есть вследствие подачи заявления о преступлении или явки с повинной.

Помимо вышеперечисленных особенностей, можно выделить еще одну — преступления в сфере таможенного регулирования зачастую совершаются организованными преступными сообществами. Их целью, традиционно, является незаконное перемещение через таможенную границу валюты, наркотических средств, оружия, автотранспортных средств и деталей к ним, культурных ценностей и т. д. Всегда актуальной является проблема контрабанды оружия, боеприпасов и культурных ценностей через таможенную границу.

Если говорить об особенностях классификации преступлений в таможенной сфере, то нужно отметить, что, например, Зуева К. Ю. в своей работе «Понятие и классификация таможенных преступлений» приводит следующий вариант классификации таких преступлений:

- в зависимости от степени тяжести — небольшой (ст. 174 УК РФ) и средней (ст. 193 УК РФ) тяжести, тяжкие (ст. 190 УК РФ) и особо тяжкие (ст. 200.2 УК РФ);
- в зависимости от сфер воздействия преступлений — преступления в сфере экономической деятельности (ст. 189 УК РФ), против общественной опасности (ст. 226.1 УК РФ) и общественной нравственности (ст. 229.1 УК РФ);
- в зависимости от предмета посягательства — связанные с образованием юридического лица (ст. 173.1 УК РФ), с денежными средствами или инструментами (ст. 193 УК РФ) и др.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020)/ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.05.2020)
2. «Таможенный кодекс Евразийского экономического союза» (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза)/ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 05.05.2020)

Уместно привести еще одну классификацию в зависимости от того, по каким статьям УК РФ таможенные органы проводят предварительное расследование в форме дознания, а по каким — неотложные следственные действия.

При этом УПК РФ предусматривает, что дознание — это форма предварительного расследования преступлений, осуществляемая дознавателем по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно (п. 8 ст. 5 УПК РФ).

Следственно, дознаватели таможенных органов проводят предварительное расследование в форме дознания по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 194 УК РФ, а также ч. 1 ст. 200.1 УК РФ (п. 9, ч. 3, ст. 151 УПК РФ). Дознаватели реализуют деятельность по сбору, проверке, анализу и оценке доказательств, на основе которых устанавливаются обстоятельства, непосредственно имеющие значение для дела.

Органы дознания проводят неотложные следственные действия по уголовным делам о преступлениях, приведенных в ст. 173.1, 173.2, 174, 174.1, 189, 190, 193, 193.1, 194 (ч. 3 и 4), 200.1 (ч. 2), 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ, выявленных таможенными органами (п. 3, ч. 2, ст. 157 УПК РФ). Здесь важно также отметить, что неотложные следственные действия по перечисленным статьям проводятся таможенными органами только при условии самостоятельного выявления ими данных преступлений.

Таким образом, дознаватели таможенных органов имеют право возбуждать уголовные дела (в том числе и осуществлять неотложные следственные действия), полностью их расследовать, а по завершению предварительного расследования составлять обвинительный акт, который, вместе с материалами уголовного дела, направляется на рассмотрение прокурору транспортной прокуратуры (п. 4 ст. 226 УПК РФ).

Очевидно, что преступные деяния, совершаемые в сфере таможенного регулирования, и по сей день, представляются одним из негативных факторов, которые влияют на развитие легальных социально-экономических и рыночных отношений, валютно-финансовую систему страны, а также на установившийся порядок перемещения различных видов товаров через таможенную границу. Сложный характер таможенных преступлений должен учитываться при предупреждении и пресечении попыток их совершения, а, соответственно, возникает острая необходимость в разработке и внедрении эффективных мер профилактики наиболее часто совершаемых преступлений в сфере таможенного дела.

3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.04.2020)
4. Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-ФЗ/ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/ (дата обращения: 05.05.2020)
5. Приказ ФТС России от 26.07.2013 № 1392 «Об утверждении Положения об Управлении таможенных расследований и дознания»
6. Туленев А. И. Таможенные преступления и современное состояние использования специальных знаний при их расследовании // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/11/18472> (дата обращения: 05.05.2020)
7. Материалы научно-практических конференций Московского военного института ФПС России. / Жбанков В. А., Огнева А. О. / К вопросу о сущности и криминалистической характеристике таможенных преступлений [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://voenprav.ru/doc-3586-6.htm> (дата обращения: 05.05.2020)
8. Коновалова, Т. А. Таможенные преступления в Российской Федерации: современное состояние и актуальные проблемы / Т. А. Коновалова, Е. В. Крицкая. — Текст: непосредственный, электронный // Новый юридический вестник. — 2019. — № 2 (9). — С. 31–37. — URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/123/3922/> (дата обращения: 05.05.2020)
9. Батычко В. Т. Таможенное право в вопросах и ответах. Таганрог: ТРТУ, 2005/ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aup.ru/books/m229/> (дата обращения: 05.05.2020)
10. Зуева, К. Ю. Понятие и классификация таможенных преступлений / К. Ю. Зуева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 47 (181). — С. 109–111. — URL: <https://moluch.ru/archive/181/46678/> (дата обращения: 05.05.2020).

КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Первоначальный этап расследования безвестного исчезновения граждан

Боронин Сергей Андреевич, подполковник юстиции, следователь по особо важным делам
Следственное управление Следственного комитета РФ по Пермскому краю

Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин на совещаниях ведомства неоднократно отмечал, что одним из приоритетных и значимых направлений в деятельности правоохранительных органов остается расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан. Согласно статистическим данным, предоставленным ИЦ ГУ МВД РФ по Пермскому краю, показали пропавших без вести лиц в крае остаются на достаточно высоком уровне. За 2019 год в Пермском крае зарегистрировано 697 сообщений о пропавших без вести, возбуждено 88 уголовных дел, из которых приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ 34 уголовных дела. За январь-август 2020 года в Пермском крае зарегистрировано 558 сообщений о без вести пропавших, возбуждено 50 уголовных дел.

На первоначальном этапе расследования, при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 105 УК РФ по факту безвестного исчезновения граждан, когда имеются основания полагать, что события имели криминальный характер, следователь должен грамотно спланировать дальнейшие следственные, оперативные и процессуальные действия, выдвинуть возможные версии совершенного преступления, составив план проведения необходимых мероприятий. При этом одной из проблем, с которой может столкнуться следователь на первоначальном этапе расследования данной категории дел, является информационная неопределенность.

Как показывает практика, в большинстве случаев сообщение или заявление о без вести пропавшем первоначально поступает в органы внутренних дел. Как отмечает А. В. Парфенов, существовавшая длительное время практика непроцессуального рассмотрения заявлений о безвестно исчезнувших гражданах сформировала у многих сотрудников полиции отношение к такого рода розыскным делам как второстепенным и малозначительным [3, с. 75]. В связи с чем, при поступлении материала проверки в органы Следственного комитета РФ оперативные сотрудники передают информацию о потерпевшем исключительно общего характера.

Для получения детальной информации о произошедшем событии следователю необходимо самостоятельно допросить свидетелей, первоначально определив круг лиц, которые могут обладать сведениями, имеющими значение для расследования, предоставить данные о личности потерпевшего, об обстоятельствах исчезновения, о круге его общения. Данную информацию следователь и оперативные сотрудники получают, в первую очередь, от близких родственников, коллег по работе, друзей, соседей. Анализ полученных данных помогает составить психологический портрет пропавшего без вести, установить лиц, которые могут быть причастны к его исчезновению, определить предполагаемый маршрут его движения, создает аккумулированную картину событий последнего дня потерпевшего.

А. С. Игуменов подчёркивает, что круг допрашиваемых лиц должен быть максимально широк. Важные сведения могут быть получены от работников коммунальных служб, здравоохранения и иных учреждений. Информация из памяти отдельных лиц нередко может стать единственным источником данных о причинах и обстоятельствах исчезновения лица. [2, с. 116]

В ходе допроса сотрудники правоохранительных органов могут столкнуться с намеренным предоставлением допрашиваемыми лицами заведомо ложных сведений, утаиванием информации о разыскиваемом лице и об обстоятельствах его исчезновения. Причиной этого могут послужить: причастность к преступлению, инсценировка пропажи, заблуждение о значимости информации, недоверие к сотрудникам правоохранительных органов, личные мотивы.

Для установления истины следователю и оперативным сотрудникам необходимо проанализировать сведения, полученные от допрошенных лиц и объективные данные, полученные в ходе предварительного следствия. Так, на первоначальном этапе расследования безвестного исчезновения лица следователю необходимо поручить сотрудникам органов внутренних дел оперативным путем установить номера телефонов, банковских карт, используемых потерпевшим, получить доступ к перепискам в социальных сетях, к аккаунтам пропавшего без вести.

При этом большое значение имеет готовность различных коммерческих структур: банков, операторов сотовой связи, телекоммуникационных служб, представителей социальных сетей, к сотрудничеству с правоохранительными органами, заключающемуся в оперативном предоставлении необходимой информации в кратчайшие сроки.

Для проверки информации, находящейся в распоряжении следствия, и получения новых данных о пропавшем лице и обстоятельствах его исчезновения на первоначальном этапе расследования необходимо также провести такие следственные действия, как осмотр места проживания, работы, мест частого пребывания потерпевшего, используя при этом современную криминалистическую технику. Так, в случае причастности родственников к совершенному преступлению, в ходе осмотра жилища при помощи такой криминалистической техники, как УФ-осветитель, комплект «МИКС-450», могут быть обнаружены следы крови, несмотря на предпринятые попытки скрыть, затереть данные следы.

В 2017 году при расследовании уголовного дела следователями Пермского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Пермскому краю по факту безвестного исчезновения Б. в ходе обыска дома подозреваемого с помощью применения вышеуказанного криминалистического оборудования на полу первого этажа

и лестничном марше между первым и вторым этажами дома были обнаружены следы крови потерпевшей, несмотря на прошедший значительный промежуток времени после ее исчезновения, что опровергло версию подозреваемого о том, что потерпевшая уехала в другой город и между ними не было никаких ссор и конфликтов.

Кроме того, на первоначальном этапе расследования безвестного исчезновения граждан особое внимание необходимо обращать на наличие камер видеонаблюдения, расположенных по ходу предполагаемого маршрута движения потерпевшего, а также своевременно принять меры по изъятию видеозаписей, которые могут содержать в себе информацию, имеющую значение для дела, или изготовлению их копий, так как указанные записи хранятся на своих носителях непродолжительное время. [1, с. 7].

Таким образом, первоначальный этап расследования уголовных дел, связанных с безвестным исчезновением граждан, является наиболее важным и состоит в оперативном сборе и фиксации значимой для раскрытия преступления информации, получаемой путем направления запросов в различные учреждения, отдельных поручений оперативным сотрудникам, проведения подробных допросов заявителей и свидетелей, осмотров и выемок. Системный анализ полученной в ходе расследования информации является необходимым условием обнаружения трупа потерпевшего, исчезнувшего без вести, и последующего установления лица, совершившего преступление.

Литература:

1. Алехин Д. В. Алгоритм действий следователя по проверке версии о некриминальных причинах безвестного исчезновения людей // Российский следователь, № 20, 2015. С. 5–8.
2. Игуменов А. С. Об особенностях проведения опроса лиц, в ходе работы по розыску без вести пропавших, исчезнувших при криминальных обстоятельствах // Правовое государство: теория и практика, № 2 (44), 2016. С. 115–120.
3. Парфенов А. В. Некоторые особенности раскрытия убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан // Труды Академии управления МВД России, № 3 (19), 2011. С. 75–77.

Проблемы применения отдельных мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства

Гущин Евгений Владимирович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Ключевые слова: свидетель, следователь, безопасность, процессуальные документы, псевдоним.

Результативность производства по уголовным делам в значительной мере зависит от создания эффективной системы гарантий обеспечения безопасности потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, а также должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело. В настоящее время в России уже сформирована законодательная основа для образования системы государственной защиты лиц, содействующих правоохранительным органам.

Несколько лет назад вступил в силу Федеральный закон № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Меры защиты самые разнообразные: анонимное участие в следственных действиях с использованием псевдонима, личная охрана, выдача специальных средств защиты, связи, установка сигнализации в квартире, замена документов и переселение в другой регион страны, трудоустройство на новом месте, изменение внешности и био-

графических данных. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации так же содержит ряд норм, позволяющих обеспечить безопасность свидетеля, потерпевшего и иных участников уголовного судопроизводства в случае, если им угрожают убийством, насилием либо иными опасными противоправными действиями.

Безусловно, данные меры могут в какой-то степени способствовать обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства. Однако их реализация на практике не всегда оказывается действенной.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу одной из мер безопасности является сохранение в тайне подлинных анкетных данных свидетелей и потерпевших, которым в связи сдачей ими показаний по уголовному делу угрожают убийством, применением насилия, уничтожением, повреждением имущества. По мысли законодателей, засекречивание анкетных данных таких участников уголовного процесса способно защитить их от различных опасностей. Здесь важно подчеркнуть, что процедура привлечения засекреченных свидетелей, потерпевших осуществляется путем оформления ряда юридических документов. В общем виде она заключается в следующем. При необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности.

Однако, этот процессуальный механизм имеет ряд недостатков. Во-первых, закон не определяет, какое должностное лицо и в каком порядке разъясняет участнику процесса его право на заявление ходатайства о применении мер безопасности. Во-вторых, согласно ч. 3 ст. 11 УПК РФ меры безопасности устанавливаются в отношении всех участников процесса. Тем не менее, право ходатайствовать об их применении предоставлено лишь потерпевшему (п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) и свидетелю (п. 7 ч. 4 ст. 56 УПК РФ), когда согласно части 1 ст. 119 Кодекса заявитель не обладает правом подачи ходатайств, пока не будет признан пострадавшим.

Не урегулированы и многие другие необходимые вопросы. Так, законодатель не предусмотрел возможность использования мер безопасности в стадии возбуждения уголовного дела, когда происходит получение и фиксация первичной информации о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении. Согласно ст. 141 УПК РФ, заявление о преступлении может быть сделано в устном или письменном виде. В соответствии с ч. 3 ст. 141 УПК РФ, устное заявление о преступлении заносится в протокол, который подписывается заявителем и лицом, принявшим данное заявление. При этом в протоколе отражаются фамилия, имя, отчество, дата и место рождения заявителя, его место жительства, работы или учебы. Совершенно очевидно, что указанных в заявлении данных вполне достаточно для обнаружения преступниками этих лиц и оказания на них в дальнейшем воздействия с целью недопущения сотрудничества этих

лиц с органами следствия и суда. Следует отметить, что аналогичные требования предъявляются законодателем и при подаче письменного заявления о преступлении.

Очевидно, что следователь по ходатайству заявителя, руководствуясь ч. 9 ст. 166 должен вынести постановление об их применении и засекретить данные во всех процессуальных документах, где фигурируют какие-либо сведения личного характера.

Однако ввиду отсутствия в законе четко регламентированных процедур выполнения этих действий, следователи вынуждены прибегать к различным ухищрениям. Так как УПК РФ не содержит прямого запрета на изменение, уточнение протоколов и постановлений, то с целью недопущения разглашения сведений о личности потерпевшего, свидетелей выносит постановление, в котором указывает, что в качестве меры защиты необходимо внести изменения путем заклеивания истинных данных потерпевшего, свидетеля в определенные постановления и протоколы, в частности постановление о возбуждении уголовного дела, заявление потерпевшего, объяснение потерпевшего, протоколы допроса и т. д.

Далее делаются копии документов посредством множительной техники, в копии «замазывают», «залепливают» и т. п. все личные данные на лицо, затем опять делают копию и на месте внесения изменений записывается псевдоним.

Уже копии документов с псевдонимом ложатся в уголовное дело, а оригиналы, вместе с постановлением об изменении фамилии, имени, отчества лица, взятого под защиту, на псевдоним, вместе с иными документами ложится в конверт, который приобщается к материалам уголовного дела.

В тех случаях, когда в протоколах допроса и других процессуальных документах содержатся показания засекречиваемого свидетеля, потерпевшего, затрагивающие такие обстоятельства, при которых обвиняемому будет несложно его вычислить (о месте работы или месте жительства, графике работы, длительном знакомстве с обвиняемым и т. д.), следователи выполняют копии соответствующих документов из которых аналогично описанному выше способу исключают те детали в показаниях, которые способствовали бы «расшифровке» свидетеля.

Однако данный вариант решения проблемы нельзя признать правильным. Во-первых, закон предусматривает возможность изготовления копий процессуальных документов лишь в случае осуществления процедуры выделения материалов уголовного дела в отдельное производство либо при необходимости восстановления утраченных доказательств.

Во-вторых, следователь вносит в копии определенные изменения — удаляет личные данные, подписи и даже сведения. Данные действия ставят под сомнение достоверность содержащихся в них сведений, а соответственно и допустимость. Разумеется, документ в измененном виде

не содержит ложной информации, но, по сути дела, следователь фальсифицирует сведения, содержащиеся в нем.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ разъясняет, что под фальсификацией доказательств, по смыслу ст. 303 УК РФ, следует понимать любое искажение сути, объема, внешнего вида, веса и других характеристик доказательств (или хотя бы одного доказательства), влияющее на полное и объективное рассмотрение дела [1, с. 13].

Подделка любого документа, представление его в суд с последующим приобщением к материалам дела будут расцениваться как фальсификация доказательств независимо от ложности или достоверности содержащихся в них сведений. Для квалификации действий по ч. 1 ст. 303 УК РФ не имеют значения мотивы и цели фальсификации, главное, чтобы лицо осознавало факт подделки доказательства и желало воспользоваться последним.

Более того, часть сведений, изъятых следователем из копии протокола недоступны другим участникам процесса, что существенно нарушает их права. В частности, право обвиняемого на защиту, непосредственность исследования доказательств.

В связи с вышеизложенным считаем, что в УПК РФ необходимо предусмотреть механизмы реализации предусмотренных меры безопасности, а именно защиты анкетных данных лиц, содержащихся в уголовном деле, а также использования псевдонима, а именно:

- обязанность должностных лиц, как получивших сообщение о совершенном преступлении, так и осуществляющих производство по уголовному делу, разъяснять участникам уголовного судопроизводства их право на применении мер безопасности, предусмотренных Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в отношении себя и близких родственников.
- право заявления ходатайств о применении соответствующих мер защиты следующих участников уголовного судопроизводства: частного обвинителя; подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, их защитников и законных представителей, осужденных, оправданных, а также лиц, в отношении которых уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено; эксперта, специалиста, переводчика понятного, а также участвующих в уголовном судопроизводстве педагога и психолога; гражданского истца, гражданского ответчика; законных представителей, представителей потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя [2, с. 250].

Литература:

1. Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 8. С. 13

- возможность использования псевдонима до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления, если угроза безопасности лица возникла еще до подачи заявления о преступлении.

На страницах процессуальной литературы можно встретить рекомендации, предусматривающие два способа решения этого вопроса.

Первый вариант связан с необходимостью некоторого изменения порядка принятия заявления о преступлении. Речь идет о неуказании демографических данных в протоколе принятия устного заявления о преступлении. Непосредственно в самом протоколе, в данном случае, достаточно изложить лишь содержание заявления. Что же касается данных относительно личности заявителя, то они должны быть зафиксированы в особом засекреченном процессуальном документе с ограниченным правом доступа.

Другой вариант обеспечения безопасности заявителя на стадии сообщения о преступлении заключается в изменении самого повода к возбуждению уголовного дела. Вместо заявления о преступлении в данном случае в качестве повода к возбуждению уголовного дела может выступить сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Согласно ст. 143 УПК РФ такое сообщение принимается лицом, получившим данное сообщение, о чем составляется рапорт об обнаружении признаков преступления. Формально, данная ситуация выглядит как непосредственное обнаружение преступления органом дознания или следователем. Непосредственно в самом рапорте об обнаружении признаков преступления должны быть указаны должность, звание, фамилия и инициалы лица, получившего сообщение, обстоятельства совершенного деяния и источник получения информации. С целью обеспечения безопасности заявителя, представляется возможным исключение из сведений, указываемых в рапорте данных об источнике получения информации. Предположительно, данная информация должна находиться непосредственно у лица, составившего рапорт, которое, при этом, должно нести ответственность за нераспространение сведений об источнике получения информации [3, с. 275].

Перечисленные проблемы не являются исчерпывающими. Однако их разрешение может служить направлениями совершенствования как уголовно-процессуального законодательства, так и правоприменительной практики в интересах эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина.

2. Сторчак О. А. Средства обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых участниках уголовного процесса по делам об организованной преступности. Вестник Томского государственного университета. 2009 № 234. С. 250.
3. Жариков Е. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству на стадии возбуждения уголовного дела // Обеспечение прав личности и интересов государства в современном обществе. Сборник тезисов всероссийской научно-практической конференции. Муром. 17–18 декабря 2004 г. — Муром: МИ ВлГУ. 2004. С. 275–277

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Нарушение конституционных прав осужденных на тайну переписки

Холова Ольга Александровна, студент

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В данной статье будет рассмотрена проблема нарушения основных прав осужденных на ведение переписки в местах лишения свободы, вне зависимости от вида исправительного учреждения. Данному вопросу в Российском уголовно-исполнительном праве уделяется не так много внимания, возможно, в силу трактовки, с точки зрения законодателя, самого понятия тайна переписки. В виду того, что основной целью уголовно-исполнительного права является исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений, зачастую сотрудниками Администраций исправительных учреждений права осужденных ставятся на второй план, несмотря на то, что Россия сотрудничает со многими странами на Международной арене и был ратифицирован ряд документов, закрепляющий права осужденных. Актуальность данной статьи заключается в большом количестве поступающих жалоб со стороны осужденных на нарушения их Конституционных прав, непосредственно касающихся ведения переписки.

Ключевые слова: конституционные права осужденных, тайна переписки, Конституция, исправительное учреждение, уголовно-исполнительный кодекс, правовое положение осужденных.

В России в 2018 году находилось в исправительных учреждениях примерно 602 000 заключенных [1]. В свою очередь по статистическим данным ФСИН России каждый четвертый осужденный обращался к администрации исправительных учреждений. В результате этих обращений в большей мере было отказано. Возможно, отказы были получены в результате не правильной трактовки ст. 15 УИК РФ.

Целью данной статьи является выявление проблемы правоприменения должностными лицами ФСИН России ст. 15 УИК РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 23 Конституции РФ каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании решения суда. В данном же случае в отношении осужденных также применяются положения данной статьи, поскольку осужденный это лицо, признанное в судебном порядке виновным в совершении общественно опасного деяния. Но даже при таких обстоятельствах осужденный не лишается своих конституционных прав.

В ст. 15 УИК РФ говорится о возможности направления осужденными предложений, заявлений, ходатайств и жалоб в соответствии с № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ». В свою очередь в данной статье не сказано о возможности и методе получения осужденными ответов на эти обращения, ходатайств и т. д. В соответствии со ст. 3 УИК РФ уголовно-исполнительное

законодательство Российской Федерации и практика его применения основываются на Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международных договоров.

Так в частности одним из примеров не правильного применения положений ст. 15 УИК РФ является: Осужденная обратилась в суд с административным иском к администрации исправительного учреждения, просила признать незаконными действия начальника исправительного учреждения, поскольку ответ на ее обращение был отправлен не в закрытом виде, как этого требует Конституция РФ, а посредством электронной почты, т. е. в открытом виде. В обоснование своих требований осужденная ссылалась на ст. 23, 24, 33 Конституции РФ [2], где четко указано, что осужденный, как и иной любой гражданин РФ имеет право на тайну переписки. В соответствии с п. 4 ст. 10 Федерального закона от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» дается письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов, за исключением случаев, указанных в статье 11 настоящего Федерального закона [3].

В свою же очередь администрация исправительного учреждения исковые требования не признала, ссылаясь на Приказ ФСИН России от 30.12.2015 № 1278 «О вводе в эксплуатацию федеральной государственной информационной системы «Электронный документооборот уголовно-исполнительной системы». В соответствии с ч. 6 ст. 15 УИК РФ органы и должностные лица, которым

направлены обращения осужденных, должны их рассмотреть и довести до сведения осужденных. Также администрация исправительного учреждения ссылалась на локальные нормативно-правовые акты исправительного учреждения, в которых говорилось о необходимости донесения информации до осужденных посредством устной передачи. Суд, приняв во внимание мнение сторон, пришел к выводу о том, что действия администрации исправительного учреждения были незаконными и возложил на администрацию исправительного учреждения обязанность рассмотреть обращение осужденной в соответствии с требованиями действующего законодательства.

Анализируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что ст. 15 УИК РФ регулирует только действия администрации исправительных учреждений и осужденных по рассмотрению и подаче обращений, но не от-

вечает на все вопросы, как и каким образом должны получать ответы на свои обращения осужденные.

Также обращения, адресованные прокурору, в суд, Уполномоченному по правам человека в РФ, уполномоченным по правам человека в субъектах РФ, в Европейский суд по правам человека или иные органы государственной власти и общественные структуры, осуществляющие контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, цензуре не подлежат и не позднее следующего за днем подачи обращения или ходатайства рабочего дня направляются адресату в запечатанном пакете [4]. Рассматривая основную проблему правоприменения ст. 15 УИК РФ можно сделать вывод, что законодатель обязан контролировать ведение переписки каждого осужденного, что в свою очередь обеспечивает безопасность и соблюдение законов на территории исправительных учреждений.

Литература:

1. Pda.fsin.su
2. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) стр. 5–7.
3. Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ
4. «Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации» (постатейный) (науч. ред. А. С. Михлин) («Юрайт», 2008) ст. 15
5. Афиногенов В. А. О порядке исполнения и отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях // Общество и право. 2012. N 4 (41). С. 131–132.
6. Козаченко Б. П. Комментарий к ст. 15 УИК РФ // Постатейный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации. М., 2007. 387 с.
7. Павленко А. А. Влияние международных стандартов обращения с осужденными на реформирование режима исполнения лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. N 2. С. 10–14.
8. Уголовно-исполнительное право России: Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. А. И. Зубкова. М., 1999. С. 253–254.

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 8 (22) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 05.11.2020. Дата выхода в свет: 10.11.2020.

Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.